

врачи+врачах

..... ПОД КРЫЛОМ ДОКТОРА ФРЕЙДА

ИРИНА
СТЕПАНОВСКАЯ

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Ирина Степановская

Под крылом доктора Фрейда

«ЭКСМО»

2011

Степановская И.

Под крылом доктора Фрейда / И. Степановская — «Эксмо»,
2011

ISBN 978-5-699-50065-9

Дмитрий Сурин был талантливым хирургом. Про таких говорят – хирург от бога. Ему и в страшном сне не могло привидеться, что с карьерой хирурга придется расстаться и стать врачом психиатрической больницы. Но, попав в это заведение, которого боится любой человек, Дмитрий узнал о жизни то, о чем никогда не догадывался и вряд ли задумался бы, не сделай его судьба столь крутой поворот. А главное, он смог разобраться в себе, пережить и острое, ни с чем не сравнимое счастье, и безысходное отчаяние.

ISBN 978-5-699-50065-9

© Степановская И., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Пролог	5
Дмитрий	7
Старый Лев	10
Альфия	14
Давыдов	16
Альфия	27
Оля Хохлакова	29
Дмитрий	34
Татьяна	35
Альфия	37
Таня	42
Настя	44
Володя	46
Дима	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ирина Степановская

Под крылом доктора Фрейда

Все события и персонажи, описанные в этой книге, вымышлены, а совпадения – случайны.

*Молодой психиатр обращается к своему старшему коллеге:
– Как у вас на все хватает сил и энергии? У вас столько больных, и всем им надо помочь, всех надо выслушать...
– Думаете, я их слушаю?*

*На приеме у психиатра.
– Доктор, меня никто не любит! Я так стараюсь, я делаю все, что в моих силах, но все безрезультатно...
– Хорошо, что вы с этим пришли ко мне.
– Да, я подумал, что если уж ты не поможешь мне, мерзкий, паршивый старикашка...*

Пролог

Будь жители одного из московских районов меньше заняты своими делами, они обязательно обратили бы внимание на то, что каждый рабочий день, в семь сорок пять утра, в одном переулке прямо рядом с метро останавливается старый автобус. И ровно в восемь он отъезжает. Не заметить автобус в принципе невозможно – он единственный такой во всей Москве: у него вислый зад с глушителем, плюющим сизым дымом, округлые бирюзовые бока и яркая малиновая крыша.

На ветровом стекле сверху и сбоку красуется изображение некоего господина. Седые волосы аккуратно зачесаны на пробор, благообразная белая бородка аккуратно подстрижена. Издалека – грустный политический деятель начала прошлого века, озабоченный судьбами человечества. Если лицо было бы посытнее, потолще – человек этот был бы вылитый сенатор типа Сергея Миронова. О чем думает, в чем сомневается, о ком скорбит этот человек? Может быть, о нас с вами?

Чтобы у праздного наблюдателя не возникло сомнений в том, чей именно портрет помещен на стекле, под рисунком подпись: «Основоположник психоанализа Зигмунд Фрейд». По всей видимости, портрет этот выдран либо из учебника, либо из Большой медицинской энциклопедии. Пассажиры автобуса к нему давно привыкли. А кто и когда его повесил, никому уже и не интересно.

В автобусе из Москвы на работу в загородную психиатрическую больницу ежедневно ездят доктора. Они не любят, когда к ним подсаживаются чужие, – гораздо приятнее, когда в салоне нет посторонних лиц. Да и разговоры в дороге самые что ни на есть интеллектуальные – редко когда о кулинарии или о детях, гораздо популярнее обычные больничные сплетни – кто с кем переспал и кого на какое место назначили.

Раскрасил же это чудо на колесах один выздоравливающий больной еще при старом главном враче, лет двадцать пять назад.

– Вон, крыша поехала! – слышатся по отделениям разговоры больных – и это означает либо начало, либо конец рабочего дня. Хотя в принципе в эту подмосковную больницу можно легко добраться и на электричке. «У вас – Красная стрела, у нас – Красная Шапочка», – любят пошутить доктора.

Новому, теперешнему, главному врачу больницы Александру Борисовичу Преображену тоже не хочется расставаться с автобусом. И он после института еще практикантом ездил на работу именно на нем, от той же самой станции метро. Когда же Преображенков стал больничным начальником, он, не без помощи родственников больных, отремонтировал старый автобус и до сих пор держит его в больничном хозяйстве – как символ, как фетиш, как память о своей молодости.

Дмитрий

Дима остановился перед дверью с табличкой «17-е отделение».

– Нам сюда, – сказала старшая сестра и нажала на кнопку дверного звонка. На другой табличке, рядом, было написано: «16-е отделение» – и стрелочка, подрисованная синим фло-мастером, указывала вверх.

Здание было старым, двухэтажным, красного кирпича и стояло в стороне от асфальтовой дороги среди высоких сосен. От автобусной остановки к нему вела тропинка, сплошь усеянная рыжими и серыми от старости, высохшими иглами.

«Куда-то я попал?» – подумал Дмитрий.

В двери послышался скрежет замка. Секундная пауза – их разглядывали в глазок. Наконец дверь приоткрылась.

– Вы к кому? – В проеме показалась женщина лет пятидесяти, в сильных очках и голубой медицинской пижаме. Узнав старшую сестру больницы, она отступила с видом одновременно заискивающим и напряженным.

– Я к вам на работу молодого доктора привела. Главный врач приказал.

Подслеповатая сотрудница посторонилась и пропустила их, как показалось Диме, с тайным вздохом облегчения. Когда они вошли, она снова закрыла дверь на ключ.

– Вот, принимайте! Альфия Ахадовна, я думаю, будет рада. – Старшая сестра с ног до головы окинула Диму оценивающим взглядом и добавила игриво: – Хлеб-соль-то есть?

– Есть, – эхом отозвалась подслеповатая, и поскольку ни она, ни Дима шутку не поддержали, старшая сестра сказала уже другим, деловым тоном:

– Ну, работайте. А у меня дел по горло.

Она взялась за ручку двери. Медсестра в очках, не издав больше ни звука, снова провернула ключ в замке и выпустила старшую сестру наружу. Из окна площадки верхнего этажа в отделение проскользнул солнечный луч и быстро исчез – дверь захлопнулась.

– Здравствуйте, – Дима не знал, что бы еще сказать.

– Альфия Ахадовна вышла. Скоро придет.

Тетка, как бы изучая, пристально оглядела Диму. Он подумал, что все сотрудники больницы, встреченные им сегодня, на кого-то или на что-то похожи. Один доктор из тех, с кем он разговаривал утром, возле остановки автобуса, был длинный, с лысой продолговатой головой, похожей на дыню. Второй – коренастый, загорелый, с бычьей шеей – напоминал боксера-тяжеловеса, только нос подкачал – бугристая испеченная картошка. Подслеповатая медсестра ассоциировалась с Совой. Главный врач, с которым он только что разговаривал, был вылитый Старый Лев. Интересно, на кого или на что похожа эта таинственная Альфия Ахадовна?

– Где я могу ее подождать?

– Вон там кабинет. – Сова махнула рукой и ушла.

Возле запертой двери не было ни скамейки, ни стула. Дима прислонился спиной к стене и задумался. «Вот тебе и сумасшедший дом. Ехал поговорить, а попал на работу».

Дима еще раз осмотрелся.

Довольно широкий и короткий коридор образовывал что-то вроде прямоугольного холла из белых кафельных стен и окрашенных масляной краской дверей. Окна с решетками впускали свет, но не давали ощущения простора. Все было закрыто. И никого – ни больных, ни персонала. Только в торце прямоугольника массивная дверь с окошечком посередине. Как здесь работать? В углу стояли два обычных деревянных стола, застеленных старой клеенкой. Возле каждого – по четыре стула на гнутых металлических ножках. Столовая? Не похоже, уж слишком мало здесь места. Дима из интереса подошел, подвигал. И стулья, и столы свободно пере-

ставлялись. «А не бояться, что этими стульями по башке можно получить?» Он передвинул один из стульев поближе к окну, достал из портфеля ноутбук и уселся.

«Господи, какое здесь запустение! Какая нищета!»

Дима вспомнил свое отделение, с которым попрощался несколько дней назад, операционную, перевязочную. Процедурку с немецкими стеклянными шкафами, светлые палаты, раздвижные двери, свободно пропускающие сразу две каталки... Какой хирургический центр он оставил! Таких немного, наверное, по всей стране. Что же здесь его ждет?

«...Главный врач сказал: «Пойдешь сначала на год в отделение к Альфии Ахадовне... Она тебя всему научит». Чему это «всему»? Всей психиатрии? За год? И какое-то нерусское имя... Ассоциируется с рахат-лукумом. Восточным лакомством, которое он любил в детстве. Человеку с таким именем полагается быть белым и толстым...»

Дима зевнул и закрыл глаза. И вдруг перед ним возникло видение: по желтой, выжженной солнцем степи, вращаясь, мчался черный смерч. «С чего бы это?» – подумал он. И вслед за пронесшимся смерчем почему-то тут же возникло лицо незнакомки – его странной соседки по больничному автобусу.

«Все-таки есть в ней что-то противное», – окончательно сформировал мнение о незнакомке Дима и решил думать о рахат-лукуме. Теперь вспомнился Новый год – снежинки из ваты, большая елка в игрушках, а в плоских коробочках, обтянутых шелком, – обсыпанные сахарной пудрой сладкие палочки. Раскусишь такую палочку, а она внутри плотная, прозрачная и блестящая на сломе, как толстое стекло. Первый раз родители привезли рахат-лукум из Египта. Тогда наши люди только начали ездить зимой в Хургаду. Потом привозили и из других стран, не восточных. Ему нравилось выкусывать из лакомства фигурки – кубики, ромбики, звездочки – и воображать себя кем-то вроде скульптора. Только скульптор работает резцом, а он – зубами...

По старой, школьной еще привычке Дима стал раскачиваться на ножках хлипкого стула. Вот забавно будет, если он грохнется в тот самый момент, когда придет эта неизвестная ему заведующая отделением! Он усмехнулся. Неплохо он будет выглядеть в ее глазах.

«А ведь, пожалуй, в лице этой незнакомки из автобуса есть что-то нерусское. – Дима снова вспомнил о своей утренней попутчице. – Странное оно какое-то, хоть и красивое по своему. Черные волосы на прямой пробор – сейчас, пожалуй, девушки так не носят. Глаза поставлены слишком раскосо...» Он подумал, что странность, по-видимому, заключается в ярко-синих глазах, нетипичных для восточных лиц. Да и облик в целом был вычурный, напряженный, недобрый. Если бы такая женщина вдруг исподтишка вытащила нож и пырнула бы его где-нибудь в углу, он бы не удивился.

Послышался звук отпираемого снаружи замка. Дима увидел в приоткрывшейся двери край зеленого, блестящего, уже знакомого по автобусу платья и на миг замер: как ловко он угадал, что заведующей отделением, куда его назначили работать, окажется именно она, его утренняя попутчица! Сердце его заколотилось, но он тут же взял себя в руки, решив, что вовсе не рад этому обстоятельству, – в его положении нужен другой начальник, посолиднее.

Тем временем из-за приоткрытой двери явственно слышались смех, возня, дурацкое шушуканье. Он с удивлением смотрел на дверь, сам оставаясь вне поля зрения для входящих.

Мужской голос (Диме показалось, он его уже слышал) громко сказал:

– Аля, ну постой! Успеешь еще наработаться, подождут дураки-то... – И загорелая сильная рука преградила путь зеленому платью.

«Да ведь это тот самый коренастый тяжеловес с носом-картошкой! – догадался Дима. – Конспирация тут у них. В автобусе он на мою соседку даже не посмотрел. Разговаривал себе всю дорогу с доктором Дыней».

Из-за двери донесся женский голос:

– Нет уж, Володя, пусти. Хорошего понемножку. К тому же мне надо срочно посмотреть новую больную. Ночью сегодня из Питера привезли.

– А в Питере, что, нет теперь психиатрической помощи? Всех к нам везут?

– Это Преображенова какая-то дальняя родственница. Он мне по этому поводу домой звонил. К тому же и муж ее уже с утра подгреб и подкараулил меня перед корпусом.

На пороге возникла стройная нога в летней туфельке. Послышался звук прощального поцелуя – и наконец в отделенческом холле появилась с растрепанной прической, с красными пятнами на груди и с блестящими синими глазами Альфия Ахадовна Левашова собственной персоной.

Старый Лев

– Дмитрий Ильич Сурин... – Главный врач задумчиво листал его документы. – Значит, говоришь, задыхаешься в хирургическом отделении?

Он отодвинул Димин красный диплом, закурил слишком тонкую для его комплекции сигарету и с интересом взглянул на молодого собеседника.

Дима рассматривал свои руки. Чуть не со второго курса он тренировался вязать хирургические узлы, накладывал на сосуды скобы, работал иглой. И вот сейчас вдруг этого не стало. То, что еще несколько недель назад не укладывалось в голове, теперь представлялось делом решенным.

Последний тяжелый приступ удушья развился у него прямо в операционной, когда хирургическая сестра уже обрабатывала кожу больного, а он собирался сделать первый разрез. Перед глазами до сих пор стояли коричневые потеки смеси спирта и йода, оставляющие полукруглые пятна на голубой кромке стерильной простыни, ограничивавшей будущее операционное поле. Грудь внезапно налилась миллионами мелких, противных, лопающихся пузырьков, и Дима подумал, что не сможет больше сделать ни единого вдоха. Это случилось с ним на операции в третий раз. В предыдущих случаях удавалось справиться с этим состоянием, подавив его, как казалось Сурину, усилием воли (потом он удивлялся, что никто из окружающих ничего не заподозрил, ему казалось, что хрипы его дыхания разносятся по всей операционной). Правда, после каждого приступа он не мог прокашляться по несколько часов, однако, как ребенок, старался не придавать им значения и надеялся, что все пройдет само собой. Но в последний раз уже не смог держаться на ногах – душный серый туман застил глаза, и Дима испугался, что потеряет сознание. Хорошо, больной, которого он собирался оперировать, уже уснул под наркозом, иначе бы подумал, что доктор пьян. Анестезиолог успел вкатить Диме преднизолон и вытащил из операционной.

– Хочешь жить – уходи из хирургии, – сказал тогда коллега из отделения интенсивной терапии, куда Диму поместили отлежаться после приступа. – У тебя резко положительные аллергические пробы на все антибиотики и на препараты для стерилизации.

– Я не знаю, откуда это взялось, – сказал Дима. – Раньше ничего такого не было.

– У других тоже раньше ничего такого не было. – Коллега вынул из ушей фонендоскоп и пошел мыть руки. – А потом помирают от бронхиальной астмы.

– Я не верю, что у меня будет астма.

– Верить, не верить – тебя не спрашивают. И потом, астма может и не успеть развиваться. Вдохнешь антибиотик – и острый отек Квинке. Стеноз гортани. Пикнуть не успеешь.

Дима укоризненно посмотрел на коллегу.

– Хорошенькую перспективу вы мне нарисовали.

– А ты что, мальчик? – рассердился врач. – Сам не понимаешь, чем все может закончиться? И потом, ты не только о себе думай. Представь, что бы было, если бы ты уже начал операцию.

– Что же мне делать? – Дима был растерян и подавлен.

– На хирургии жизнь не заканчивается. Надо куда-то в тихую гавань – в медстатистику, в страховое общество, в лабораторию, наконец.

– Я лучше повешусь, – сказал тогда Дима.

– Ну, иди в психиатрию! Там доктора из кабинетов редко выходят, антибиотиками не дышат. Если хочешь, я насчет тебя позвоню. Я с главным врачом загородной больницы Сашкой Преображеновым на одном курсе учился. Может, прокатит.

– Ты женат? – спросил его главврач.

– Нет, – пожал плечами Дима.

– А что так? Развелся или еще не успел?

– Скорее не успел.

Старый Лев, прищурившись, снова стал листать его документы.

– А у меня дочка в восемнадцать выскочила, сын – в двадцать три. Уже теперь внуки – трое головорезов. И ведь одни парни!

У Преображенова была большая голова с копной седых волнистых волос, небольшие умные глаза, мягкие руки с толстыми пальцами. Диме представилось, как по вечерам он лежит с газетой на диване, а трое внучат, маленьких хищников, ползают по его большому животу, щекочут бока и дергают за седую гриву.

– Ну а в терапевты ты почему не пошел?

– Там тоже антибиотики.

– Ясно.

Если бы знал Старый Лев, что говорили про Диму в его прежней больнице! «Хирург божьей милостью», «золотые руки»... Почему, интересно, божья милость всегда так непостоянна?

Диме стало забавно наблюдать, как этот немолодой уже человек – Александр Борисович Преображенков – ищет какой-нибудь подвох. Знал бы он, насколько безразлична ему, Диме, эта психиатрия, да и любая другая специальность. Да он и в институт-то пошел, только чтобы быть хирургом! Однако это все осталось там, в прошлой жизни, и здесь, вероятно, в расчет не бралось. К чему вспоминать, что все женщины отделения и все больные – и девушки, и старухи, замужние, незамужние и даже беременные, – все были от него без ума... Впрочем он на них внимания много не обращал. Все будто ждал кого-то.

– Значит, хочешь быть психиатром? – Внимательные глаза уставились на Диму, будто высматривали бегущую антилопу.

– Честно говоря, я не знаю, хочу или нет.

– Как так? Зачем тогда приехал? – Главный врач так удивился, что даже перестал курить.

Дима пожал плечами.

– Так вам же звонили насчет меня. Вы сказали, пусть приезжает. Поговорим. Я и приехал. Чтобы уже точно знать и потом ни о чем не жалеть.

– Что ж ты хочешь знать? – В глазах Преображенова засветился хитренький огонек.

– Ну, скорее всего, вы меня и сами на работу не возьмете.

– Чего же так сразу «не возьму»? Дай подумать. Документы у тебя очень хорошие. Да и мой приятель тебя хвалил. – Старый Лев посмотрел, отвернувшись, в окно и добавил: – Подумать только! Мы с ним вместе в институте учились. А уже тридцать лет прошло, как один день. А я и не заметил. – Он загасил в массивной пепельнице окурок и вдруг спохватился: – А у тебя и на табак аллергия?

– На табак нет.

– Это хорошо. Плохо, что ты психиатрию совсем не знаешь.

Дима поднялся, мысленно ругая себя за то, что сорвался в такую даль. И почему это заведующий интенсивной терапией решил, что ему подойдет психиатрия? Сам Дима об этой специальности никогда даже не думал.

– Я, наверное, пойду...

Старый Лев рявкнул:

– Сядь!

Дима молча сел на свое место. Преображенков вытащил из пачки очередную тонкую сигарету, снова прикурил.

– А мне вот интересно, вот такая с тобой приключилась история... – Он прикрыл глаза и помахал возле рта мягкой, толстой лапой, прогоняя дым, – вот если не в психиатрию, то тогда куда тебе еще можно податься? На какую работу?

– В диагностику, – сказал Дима.

Он уже заранее выяснил, что если психиатрия не подойдет, то еще можно пойти поучиться на врача УЗИ, или на рентгенолога, или, на худой конец, на эндокринолога. Проблема была в том, что никакая из этих специальностей, включая, впрочем, и психиатрию, совершенно Диму не интересовала.

– Ну да, – сказал Александр Борисович. – Я сразу не сообразил. Ладно. Пиши заявление о приеме на работу, оформляйся в отделе кадров – и вперед! В семнадцатое отделение. Пока на год. Там у нас работает одна очень умная дама. Альфия Ахадовна Левашова. Думаю, ей не помешает помощник. Она-то тебя всему и научит.

Дима опешил, настолько неожиданным показалось ему это внезапное завершение разговора, но только спросил:

– Она одна работает на все отделение? Сколько же у нее коек?

– Шестьдесят, – пожал плечами Александр Борисович. – На три ставки. Знаю, что в хирургии так не бывает. А у нас бывает. Но ты из-за ставок не волнуйся. Альфия с тобой поделится. Я ей позвоню. Иди пока, оформляйся.

И когда Дима, не понимая, благодарить ему главного врача или, наоборот, отказаться от его предложения, с растерянным видом пошел к двери, его догнал последний вопрос Старого Льва.

– А ты вообще где живешь?

– На Соколе.

– Дима не очень-то понимал, зачем это нужно знать главному врачу.

– У метро «Сокол»? На Ленинградском проспекте?

– Ну да.

– Один или с родителями?

– Пока с родителями.

– Далековато тебе будет на работу каждый день добираться. Как будешь ездить? На электричке? Или своя машина имеется?

– Машины у меня нет.

– А сейчас на чем приехал?

– На больничном автобусе.

– А-а, значит, знаешь, что такой существует, – удовлетворенно хмыкнул Преображенков.

– Я в Интернете нашел информацию, когда читал о вашей больнице.

В глазах Преображенкова засветились хитрые огоньки.

– А там не написано, что этот автобус – наш больничный раритет? Знаешь, как он называется?

– Не знаю, он очень старый. Марку даже не разглядеть.

– Да я не про марку. При чем тут марка? Этот автобус лично я сохранил. Еще двадцать лет назад, когда больницу принимал. Не позволил ему на запчасти развалиться. Просто так, ради памяти. Можно было новый купить, но ведь я на нем еще студентом сюда ездил...

Диме сразу вспомнилась дикая жара, продавленное автобусное кресло, медленно движущийся за окном подмосковный пейзаж и синие глаза незнакомки в странной близости от его лица: «Красная Шапочка уходит ровно в восемь. Опаздывать ни-з-зя-а-а!»

Преображенков явно ждал от Димы какой-то реакции, но Дима молчал. На лице главного врача отразилось разочарование, он вяло махнул Диме своей мягкой лапой:

– Ладно, иди.

И вдруг Дима, сам не зная почему, точь-в-точь повторил услышанные от дамы слова, будто это был пароль, приобщавший его к членству в таинственной секте:

– «Красная Шапочка уходит ровно в восемь. Опаздывать низ-зя-а-а!»

И главный врач взглянул на него помолодевшими глазами:

– Постой. У меня в общежитии для медсестер комната освободилась. Прямо на территории больницы. Я так понимаю, дома тебе делать все равно нечего, а если здесь поселишься, я тебе ставку дежуранта подкину. И опыт будешь скорее нарабатывать, и дежурить сможешь прямо на дому. Согласен?

– Спасибо. – Дима даже растерялся от такого щедрого предложения.

– Так согласен?

– Конечно, согласен.

Как ни неожиданно это все свалилось ему на голову, Сурин решил: чем черт не шутит, все равно две ставки лучше, чем одна. И своя комната при больнице ему тоже совсем не мешает.

Альфия

Помахивая сумкой, Альфия легко пошла в направлении своего кабинета. Дима встал. Альфия на него даже не взглянула, хотя он голову мог бы дать на отсечение, что видела она превосходно.

Неизвестно откуда в холле снова материализовалась Сова.

– Ну вот чего, Владимир Михайлович, дверь настежь растворили! Сквозняк! – сказала она загорелому тяжеловесу Картошке, как окрестил его Дима. Картошка все еще стоял в проеме двери и смотрел вслед Альфии, пока та не скрылась в своем кабинете.

– Ой, Нинель, уймись! – цыкнула мимоходом в ее сторону Альфия.

Сова умерила недовольство, но ворчать не перестала.

– Я уж за обедом скоро буду больных посылать, а вас все нет! К тому же люди вас тут дожидаются! – Она выразительно кивнула в сторону Димы, решительно подошла к Картошке и стала выпихивать его на лестницу.

– И-эх, кобели! На работе-то надо работать!

– Что это такое? Хватит меня щекотать! – Картошка шутя ухватился обеими руками за дверной косяк. – При такой жаре, наоборот, помещение нужно как можно чаще проветривать! А то у вас тут задохнуться можно. Мышами воняет, как в склепе могильном! – Картошка изловчился и ущипнул Сову за живот.

– Всегда найдете, что хорошее на прощание сказать! – Сова с силой вытолкнула Картошку наружу и захлопнула за ним дверь.

Дима наблюдал за их играми с растерянной улыбкой. Сова проскользнула в кабинет заведующей и о чем-то жарко заговорила.

– Ну, хватит меня воспитывать. – Альфия появилась в холле уже в белоснежном наглаженном халате. – Кто же тут меня дожидается? – В глазах ее, будто пламя газовой горелки, переливался огонь. Она даже виду не подала, что помнит их совместную поездку в автобусе.

– По странному совпадению – я, – сказал Дима внезапно охрипшим голосом и сделал шаг навстречу.

И тут пустынный холл разом наполнился звуками. Как крышка диковинной табакерки, распахнулось окошко в торцевой двери, и чья-то кудрявая физиономия с по-клоунски нарумяненными щеками высунулась из него и завершала:

– Дежурные с кастрюлями на выход! За обедо-о-м!

И уже раскрылась сама внутренняя дверь, выпуская больных. В холл выкатились четыре тетеньки в разноцветных одеждах – в цветастых халатах, в разношенных трениках, в дешевых кофтах с растянутыми рукавами. Две передних несли на весу, боком, будто барабаны, огромные пустые кастрюли и в такт хлопали крышками. Вторая пара, группа сопровождения, обмахивалась ситцевыми наволочками, приспособленными вместо мешков для переноски хлеба.

– У-ух, какая жара этим летом! – томно протянула одна из дам, скосив на Диму веселые голубые глаза. Он оторопело отпрянул назад.

– Не приставай к мужчине, Хохлакова! – строго велела Альфия. – Это твой новый доктор. «Значит, главный врач Альфии уже позвонил», – подумал Сурин.

– Ура! Какой хорошенький! – сказала Хохлакова и со счастливым видом до самой входной двери все оглядывалась на Диму, прищипывая огромным языком, не помещавшимся во рту.

И в этот момент торцовая дверь с окошком еще раз открылась и выпустила в холл новую больную. В узеньком сарафанчике, в черных кожаных тапочках, с двумя косичками на прямой пробор, прикрытых треугольником шелковой косынки, изящная девушка шла, ступая по-балетному, будто летела, слегка откинув назад руки. Глаза ее были широко раскрыты и глядели вперед, туда, где она видела что-то очень хорошее, доступное и понятное ей одной.

– Настя! Опять в мечтах? – окликнула девушку Альфия.

– Нет, Альфия Ахадовна. – Девушка будто запнулась на полном ходу. – Я в полном порядке. Иду за обедом. Вместе со всеми.

Дима при виде Насти замер.

– Ну, хорошо. Иди, – махнула Альфия, и уже дежурившая у входной двери Сова выпустила всю банду наружу.

Сурин видел, как сверху, из шестнадцатого отделения, спускалась компания из четырех мужчин с такими же кастрюлями. И, быстро перемешавшись, все эти странные Диме люди, смеясь и переговариваясь, отправились на улицу. И в первый раз Дима вдруг подумал не об убожестве обстановки, не о зарплате, не о сложностях освоения новой специальности, а о том, что он должен будет лечить этих *людей*.

Давыдов

Неделей раньше, в такой же приторно-солнечный день, временно исполняющий обязанности директора Петербургского института экспериментальных исследований мозга Виталий Вадимович Давыдов, еще довольно моложавый господин, сидел в своем кабинете и ждал, когда его соединят по телефону с министром здравоохранения. Несмотря на жару, он был одет в модный светлый полотняный костюм с желтым шелковым галстуком и сиреневую рубашку. Однако прямые русые волосы Виталия Вадимовича на затылке были перевязаны в длинный хвост, как у древних индейцев, что создавало некоторый диссонанс с элегантным костюмом. К хвосту, правда, не хватало пера и налобной повязки, но и без них медальные черты лица Виталия Вадимовича и его насмешливая улыбка свидетельствовали о некотором вольномыслии их обладателя. Что соответствовало истине: в научных кругах Виталий Вадимович слыл либертенорм.

Министр здравоохранения, приятная дама, до того звонками и.о. директора института не баловала. Поэтому Виталий Вадимович, услышав от секретарши, что его вызывает к телефону сама госпожа министр, немало удивился. Сначала он подумал, что госпожа министр перепутала их задрипанный НИИ с очень известным, всероссийского значения Институтом мозга, где когда-то работал сам академик Бехтерев и читал лекции сам академик Павлов, такое на памяти Давыдова несколько раз уже случалось. Иначе как объяснить, зачем госпоже министру интересоваться их специфическими экспериментальными изысканиями? Все его сотрудники уже давно привыкли, что в вышестоящих организациях их институт считается учреждением хоть и научным, но довольно-таки несерьезным. Действительно, кому понравится, что какие-никакие, но все-таки бюджетные деньги идут не на что-то материальное, а на экспериментальное воспроизводство таких эфемерных материй, как радость, ненависть, гнев, вера, надежда и даже, страшно подумать, любовь! И поэтому научная деятельность института, особенно в последние годы, никого особенно не волновала. Ну, возьмется там с чем-то и возьмется. Главное, чтобы много денег не просили. Сами сотрудники, разумеется, считали себя (и, может быть, вполне заслуженно) настоящей научной элитой, читали и писали на разных языках и, самое главное, нисколько не стеснялись забираться в такие дебри и в такие умственные дали, что у них самих начинали кружиться головы от собственной смелости. Но в далеком от их научных и финансовых проблем московском министерстве об этом, конечно, никто не знал и подозревать не мог.

С детства приученный к хорошим манерам, Виталий Вадимович не мог общаться с госпожой министром, задрав ноги на специально приспособленную для этого тумбу, что он с удовольствием проделывал в одиночестве. Поэтому в ожидании телефонного разговора он встал из-за своего большого, но заваленного бумагами стола и, взяв телефон, машинально подошел к одному из двух старинных высоких окон, составлявших почти единственное очарование кабинета. Рассеянно глядя сквозь полупрозрачные шторы на темную воду Фонтанки, он слышал в телефонной трубке какие-то шумы и далекую музыку. А за окном жила своей жизнью набережная. Шли по-пляжному оголенные по случаю небывалой жары люди, ехали машины с запыленными крышами, дремали выстриженные на французский манер тополя... И над всем этим знакомым до малейшей подробности городским пейзажем плыло бледно-голубое, без единого облачка скучное петербургское небо.

Вот. Наконец, кто-то, наверное, помощник, отчетливо произнес: «Сейчас с вами будет говорить Таисия Николаевна», – и тут же без паузы в трубке зазвучал негромкий женский голос:

– В общих чертах мне известно, что вы, Виталий Вадимович, вот уже лет двадцать занимаетесь проблемой ответа мозга на химические раздражители... – Голос министра звучал так

четко, будто она в соседней комнате читала текст по бумажке, – ...и ваши работы известны больше за рубежом, чем в нашей стране.

Министр сделала паузу, как бы ожидая реакции от собеседника.

– Не только мои работы, но и всего института, – достойно ответил Виталий Вадимович.

– В Бостоне ссылались персонально на вас, – заметила министр.

– Не скрою, мы хотели бы шире сотрудничать с нашими зарубежными коллегами. – Ссылка на Бостон была для мозга Виталия Вадимовича серьезным раздражителем.

– Вы, если я не ошибаюсь, уже больше двух лет состоите в должности исполняющего обязанности директора института? – Неожиданно строго спросила министр.

«Совершенно верно, ваша милость!» – захотелось щелкнуть каблуками в ответ Виталию Вадимовичу, но он вовремя сдержался.

– Так вот, что вы скажете, если ваш институт будет переведен в новые экономические и пространственные условия? Если хотите, в новые геополитические условия?

– Неужели в Бостон отправите, Таисия Николаевна? – по-прежнему мягко осведомился Виталий Вадимович.

Министр уловила в его голосе иронию, и ей это не очень-то понравилось.

– Не в Бостон, Виталий Вадимович, а в Осколково. Надо реализовывать там программу развития науки согласно решениям президента и правительства. Вы согласны?

Не согласиться мог только сумасшедший.

– Безусловно, согласен, Таисия Николаевна. Но, если я правильно понял, вы предлагаете, – тут Давыдов немного замялся, не зная, как бы помягче уточнить, – переехать в Осколково именно нашему институту – экспериментальных исследований мозга?

Он был готов к тому, что госпожа министр запнется, помощник придет ей на помощь – и выяснится неприятная ошибка. Но Таисия Николаевна без всякой запинки произнесла:

– Вы меня поняли правильно. Приезжайте в Москву, обсудим детали. Тогда и поговорим о вашем директорстве.

«Ура, ура, ура!» – чуть не соскочило у Виталия Вадимовича с языка.

Но министр уже переключилась на другие дела, а помощник стал диктовать день и час, когда Давыдову нужно было появиться в Москве. Виталий Вадимович вернулся к столу, нацарапал данные на какой-то подвернувшейся под руку бумажке и прислушался к гудкам отбоя в трубке.

– Премного благодарен! – теперь уже вслух произнес Давыдов, поставил телефон на место и вернулся к окну.

По реке шел прогулочный катерок, но сверху Виталию Вадимовичу были видны только его крыша и Андреевский флаг, прикрепленный на корме так низко, что углом почти задевал воду. Так, значит, прощай, любимый город, прощай, родной институт, гуд-бай, знакомый с юности пейзаж?

– С чего бы это нас неожиданно удостоили такой высокой чести? – вслух спросил себя Виталий Вадимович и ощутил острейшую потребность как можно быстрее обсудить новости с женой.

Таня, его Таня – вот кто ему был сейчас нужен. Только она, двадцать лет работавшая вместе с ним, с ее острым умом, прекрасным воображением и отточенной логикой, может объяснить или, по крайней мере, предположить, чем вызвано такое необычное и лестное для них предложение. Но тут Виталий вспомнил, что в это время Таня обычно проводит еженедельное совещание с сотрудниками лаборатории. Он вызвал секретаря.

– Люда, принеси мне кофе. – Секретарша смотрела на него во все глаза. Он сделал вид, что ничего особенного не происходит, – ни к чему сотрудникам раньше времени узнавать новости, это плохо отражается на работе. – Подними штору, открой окно и позвони в третью лабораторию. Узнай, когда ко мне сможет зайти Татьяна Петровна. Это срочно.

Помощница вышла, директор откинулся на спинку старого кресла, поднял привычным движением обе руки за голову, положил ноги на тумбу и предался мечтам. «Осколково!» Несколько секунд он осмысливал эту новость. Потом в голову полезли более осторожные мысли. «Где оно хоть находится, это Осколково? Недалеко от Москвы. А на каких правах мы туда поедем? Чем будем заниматься? Тем же, чем раньше, или нам дадут какую-то новую тематику? Может быть, секретную? Вот уж не хотелось бы, потому что тогда прощай, заграница...» Он закрыл глаза, но на его лице продолжала блуждать восторженно-растерянная улыбка.

– В лаборатории Татьяны Петровны никто не берет трубку! – через минуту крикнула ему через дверь Люда, позвякивая посудой.

– Ну, что это, как некстати!

Возбужденный, Виталий встал и снова подошел к теперь уже широко распахнутому окну.

Более чем двухсотлетний, когда-то купеческий, особняк института был скорее высоким, чем длинным. Он казался узкой башенкой, с нелепо прилепленной к боку крыши, со стрельчатыми окнами, с выходящими на набережную, высокими парадными дверями... Много лет назад Давыдов находил здание очень романтичным: неожиданные повороты, крутые лесенки, переходы и потайные комнаты... В этом особняке прошла их с Таней молодость.

Давыдов встал, подошел к окну. В комнату влетел летний ветер, резко отшвырнул штору, жарко обдул лицо. Ветер нес в себе запах моря, серебристой рыбы, горячего металла контейнеров... «Ощущение как перед битвой», – подумал Виталий Вадимович.

В груди разливался шипучий холодок. «Наполеон в такие минуты в комнате за кабинетом заваливал в койку любовниц, а моя собственная жена даже трубку, видишь ли, не берет», – усмехнулся он. Про «койку» Виталий, конечно, шутил. За двадцать пять лет брака они превратились с Таней в одно целое. И периодические любовные эскапады, сопровождавшиеся милыми, но знакомыми до мелочей интимными подробностями, казались Виталию уже чем-то вроде занятий онанизмом: так предсказуемы были их совместные желания. Но он сознательно предпочитал пребывать в этой сексуальной лени, не противопоставляя спокойному браку волнения новых приключений. Скорее потому, что Виталий Давыдов всю жизнь занимался природой не физических наслаждений, а *чувств*, он относился к физической любви снисходительно. Как к выпивке или еде.

«Когда же, наконец, закончится это Танино совещание?» – с нетерпением думал он.

На противоположной набережной влюбленная парочка уселась на ступени гранитного спуска. Девушка сняла босоножки и опустила ступни в воду. Парень навалился на нее и стал жадно целовать.

«Как им не лень на такой-то жаре!» – удивился Виталий.

Люда внесла на подносе кофе. Он снова набрал номер мобильного жены. Ответа не было.

– Что они там, поумирали, что ли? – Виталий Вадимович вопросительно посмотрел на Люду.

– Я в третью лабораторию не пойду! – заявила она, по-своему расценив взгляд начальника. – Там у них мыши сумасшедшие по коридору бегают! На задние лапки встают, передними обнимаются и кружатся парами, будто вальс танцуют. А иногда хороводы группами водят. Ужас!

– Что за ерунда! – Виталий отхлебнул принесенный секретаршей кофе. – Поскорее найди Татьяну Петровну и попроси срочно ко мне зайти.

Тут в приемной раздался телефонный звонок. Люда на секунду исчезла и сразу же крикнула:

– А вот как раз их номер определился! По городскому.

Давыдов быстро взял трубку:

– Таня, алло? Где ты пропадаешь?

Но вместо голоса жены он услышал протяжный говорок Никифорова – довольно нудного научного сотрудника из Таниной лаборатории.

– Извините за беспокойство, Виталий Вадимович, но... – Голос Никифорова был невыносимо тягуч.

– Соедините меня, пожалуйста, с моей женой! – Виталий изнывал от нетерпения.

– Дело в том, что... – продолжалось баранье бляенье в трубке.

– Сделайте это быстро! – Давыдов перешел на начальственный тон.

– А я не могу! – вдруг коротко сказал Никифоров, и Виталий Вадимович уловил в его голосе какие-то необычные нотки.

– Почему?

– Татьяна Петровна... Не знаю, как это лучше сказать....

Давыдов, уже совершенно выйдя из себя, почти заорал:

– Мне самому, что ли, к вам идти?

И опять Никифоров неожиданно сказал:

– Так, мне кажется, будет лучше!

Виталий швырнул трубку на рычаг и снова стал звонить Тане на мобильный. Она не отвечала.

– Придется действительно идти туда самому, – решил он и пошел доставать из шкафа рабочий халат.

Вообще-то, он любил лабораторную одежду. В халате он чувствовал себя моложе и свободнее. К администрированию он особенно не стремился. Просто так уж сложилась ситуация в институте, что на должность исполняющего обязанности выдвинули именно его. Конечно, он радовался, потому что это давало ему самому некоторую свободу и помогало Тане в работе. Несмотря на то что бюджет в целом был сформирован еще при прежнем руководителе, Давыдов, конечно, мог распоряжаться средствами и, чего греха таить, урывал на их с Таней исследования дополнительные деньги. Да и семейный бюджет от этого назначения не пострадал, а это тоже было приятно.

Снимая пиджак, Давыдов снова машинально глянул в окно. На ступенях набережной уже не было видно ни парня, ни девушки.

«Утонули в любви», – почему-то подумал Виталий и, быстро переодевшись, вышел из кабинета.

Небольшой начальственный отсек отделялся от лабораторий старым коридором. Виталий поднялся по узкой лесенке на третий этаж. Вот и отдел эмоций. Во встроенных фанерных стенных шкафах пылились груды бумаг минимум за тридцать лет. За неимением места в комнатах в нишах коридора стояли центрифуги. В них, пенясь и жужжа, вращались пробирки с розовой массой. Работа шла своим чередом.

«Вот где находятся все великие человеческие чувства, – усмехнувшись, подумал Виталий. – Вера, надежда, ненависть и любовь – все это здесь, в этих прозрачных стеклянных колпачках. Прокручиваются по несколько раз, будто самый ценный капитал...»

Он прошел коридор насквозь и оказался в следующем отсеке. Запахло мышами. Третья лаборатория. Здесь сейчас и должна проводить совещание его Таня.

«Надо ей рассказать, какие слухи ходят по институту», – усмехнулся Давыдов.

Именно в виварии они с Таней и познакомились. Она стояла возле этого самого окна и кормила мышку с руки. Виталий вдруг отчетливо осознал, что ему совсем не жалко оставить этот старый особняк и уехать в неизвестность. Но только вместе с женой!

Он немного тревожился: как она отнесется к полученному предложению? Давным-давно, двадцать лет назад, они совсем было уже собрались уехать в другую страну. И не уехали. Таня сказала, что не сможет жить без своего города, без их квартиры с окнами на широкий проспект,

без старого кладбища, на котором похоронены ее родители. И тогда он с ней согласился. Но это было давно. *Тогда* не означает *всегда* или *сейчас*.

Сейчас, бреясь по утрам, он с ужасом видел в зеркале, как глубже западают в глазницы глаза, как на подбородке появляются серебристые волоски. Последние месяцы ему казалось: он ощущает, как медленно вытекает из него жизнь. Мысль о неуклонной старости из разряда фантастической (этого со мной не может случиться никогда) перешла в реальность и стала приносить чуть ли не физическую боль. Конечно, он знал три проверенных средства, как отвлечься от этих мыслей, не замечать критического возраста и наслаждаться радостью бытия. Впрочем, это были вечные средства – любовь, работа и деньги. Но о любви он сейчас не думал, а денег ему требовалось много, чтобы завершить их с Таней исследования. Ведь только блестящий результат мог послужить оправданием их с Таней долгой одинокой жизни. Жизни почти без друзей, потому что с друзьями скучно – ведь не могли же они при них все время говорить о работе, о том единственном, что их интересовало и сближало, – и без детей, которых они решили не иметь опять-таки из-за работы.

Кстати, игра сознания, когда в молодости кажется, что никогда не постареешь, а в старости думаешь, что ты еще молод, Давыдова тоже очень занимала. Почему некоторые люди смиряются с возрастом, а другие нет? Они-то с Таней подозревали, что дело заключается в молекуле серы, которая по-разному может встраиваться в структуру белка, но это еще предстояло проверить.

Однако самое их «великое» открытие состояло не в этом. Биохимия чувств – вот что они изучали в течение двадцати лет. Исследовали вещества, которые вызывают гнев, радость, страх и, главное, любовь. Они вводили эти вещества животным – подопытные мышки то бросались друг на друга в ярости, то лизались в припадках нежности. И вот теперь они с Таней стояли буквально на пороге создания вещества, позволяющего вызвать любовь у человека. Таня считала, что это будет мощнейший лекарственный препарат – любовь вызывает огромный всплеск всех энергетических ресурсов, и его может хватить не только на подъем эмоционального фона, но и на борьбу с болезнью.

Он разделял Танино мнение. Но сколько им еще предстояло сделать, даже если само вещество уже было получено! Нужна была массовая проверка. И не только на мышах, требовались добровольцы. А для этого необходимо рассекретить результаты исследования, выбить разрешение на производство такого эксперимента, выбить деньги – да сколько сложностей еще предстояло! Поэтому предложение поехать в Осколково, как он считал, попало точно в цель. Только Давыдов не знал, сейчас ли рассказать министру об их исследованиях и сразу просить денег на продолжение работ или подождать, пока обстановка прояснится. Здесь советом должна была помочь Таня.

Да, он был безмерно рад их открытию. Оно, без сомнения, стоило их научного затворничества, которое они сами предпочли взамен банальной жизни других людей. Был, правда, еще один неясный момент – психологическая составляющая их работы. Ведь они изучали не что-нибудь маловажное, не какую-нибудь там дополнительную лапку у какого-нибудь вида членистоногих. Объектом их экспериментов была Любовь! Любовь дается от Бога – об этом поют в песнях, пишут в книгах, говорят с экранов... Любовь – проявление божественного – об этом кричат все церкви мира. Что же, выходит, они с Таней – прообразы божества? Давыдов усмехнулся. Но кто же в теократическом государстве даст денег под такую скользкую тему?

Он знал, что в последние несколько месяцев в Великобритании вышло несколько книг, в которых научно доказывалось, что бога нет. Известный биолог Докинс писал, что убежден, что религиозное чувство, которое испытывают верующие, является продуктом какого-то еще неизвестного науке вида деятельности мозга. Они с Таней тоже имели что сказать по этому поводу, но Докинс все-таки был подданным ее величества, а с нашей церковью Виталию связываться не хотелось. Как, впрочем, и с секретными службами, которые в любом другом госу-

дарстве непременно поставили бы их опыты под контроль. Но, к счастью, думал Виталий, у наших органов теперь много других дел. По крайней мере, пока их с Таней не беспокоили.

«Ну, и слава богу, что мы предоставлены сами себе», – подумал Давыдов и вошел в коридор третьей лаборатории.

В коридоре не было ни души. Давыдов прошел дальше. В большой комнате, важно именовавшейся «исследовательской», за высокими лабораторными столами восседали две немолдые девицы и закусывали бутербродами. Завидев директора, они чуть-чуть отодвинули тарелку.

– Где Татьяна Петровна? – спросил Давыдов.

– В кабинете.

Кабинет жены был смежным, однако дверь в него хитро пряталась за большой колонной вытяжного шкафа и с первого взгляда была незаметна. Виталий уверенно свернул за колонну. Дверь была плотно закрыта. Давыдов постучал и, чуть помедлив, нажал. Старые створки не открывались. Из-за двери отчетливо слышались голоса. Давыдов постучал еще раз, сильнее. На голову ему просыпалась штукатурная пыль, но результат был тот же. Он стал стучать еще, все настойчивее, и с каждым новым стуком по потолку над дверями расплзалась трещина. Лаборантки с любопытством вытянули шеи, но приблизиться не осмелились. Положение казалось глупым.

– Татьяна Петровна! – с раздражением крикнул Давыдов.

Его голос, по-видимому, узнали, и створки дверей слегка поддались, но полностью не раскрылись. Он навалился плечом и в образовавшуюся щель увидел лицо Никифорова. Странное выражение было на этом лице, вспоминал потом Виталий, – то ли скрытое торжество, то ли тайное сожаление... Увидев Давыдова, Никифоров кивнул и впустил его.

Таня сидела за рабочим столом. Какая-то незнакомая дама, толстушка лет сорока в открытом платье и пляжной соломенной шляпе, не спуская с Тани глаз, быстро записывала что-то в блокнот. Что-то в состоянии обеих женщин Виталию очень не понравилось. Он прищелкнул – обе были чрезвычайно напряжены. Таня что-то быстро говорила, возбужденно блестя глазами. Дама, вся красная, будто из бани, сидела напротив, и в ее взгляде пламенел азарт охотника, подстрелившего крупную добычу. Таня мельком взглянула в сторону мужа, но Виталию показалось, что она его не узнала.

– Я вам звоню, звоню... А вы все не откликаетесь! – он решил пошутить. – Что здесь у вас? Заседание Нобелевского комитета?

Таня, наконец, перевела на него широко раскрытые глаза и сказала, привставая навстречу:

– Виталий, ты не можешь себе представить! Я сейчас, полчаса назад, вот здесь, с этого самого места, разговаривала с Богом!

В лаборатории установилось молчание. Никифоров саркастически улыбнулся. Дама перестала писать и вопросительно посмотрела на Давыдова. Таня, садясь на место, внесла поправку:

– Вернее, это он со мной разговаривал! Боже, Виталий, какими мы были глупцами! Мы сомневались в его существовании... – Давыдов приоткрыл от изумления рот. – ...Но сомневаться бессмысленно, надо просто *знать* это, как знаю теперь я...

И Таня, как бы испугавшись, что может вдруг потерять свое новое знание, обхватила ладонями лицо и посидела так несколько секунд. А когда опустила руки, то ее лицо, до мельчайших деталей знакомое Давыдову, вдруг показалось ему абсолютно и необъяснимо изменившимся.

Виталий смотрел на жену и ничего не понимал. Исследование биохимической природы веры были как раз частью их совместных исследований природы чувств и, без сомнения, их ноу-хау. Виталий не знал ни одного современного более или менее серьезного исследования

биохимической составляющей религиозного чувства, кроме нескольких трехсотлетней давности работ немецких алхимиков (и надеялся лишь, что этих алхимиков не сожгли на костре). Но как могла Таня в присутствии других людей затронуть их сокровенную тайну? Уже несколько лет они неукоснительно выполняли совместный уговор: даже не касаться вопросов религии и досужих беседах.

– А-а-а, я понял, у вас здесь диспут на тему «Есть ли Бог»?

Виталий решил продолжать шутить, хотя на самом деле был разозлен и возмущен. Почему вообще Таня не предупредила его о самой возможности этого разговора? И что это за пляжная баба, с таким жаром строчащая что-то в блокнот?

– Татьяна Петровна, мне нужно с вами срочно переговорить, – сказал он уже серьезно.

Но Таня отреагировала вовсе не так, как предполагал Давыдов.

– Виталий, я поняла, что не люблю тебя больше. И, наверное, никогда не любила. А всю жизнь любила в тебе Бога. И через тебя – Бога. – Она как-то глупо хихикнула и добавила: – Прости меня, если можешь.

– Как это? – машинально спросил Давыдов, и что-то смутное, ужасное уже мелькнуло в его сознании. Дама в соломенной шляпе вытащила фотоаппарат и быстро его сфотографировала.

«Неужели журналистка? Только этого не хватало! – Давыдов посмотрел на Никифорова. – Кто ее пустил сюда без моего разрешения?» – Тот только пожал плечами.

– У меня есть несколько вопросов. Пожалуйста, ответьте на них, – с наивным видом попросила посетительница, поворачивая к нему черную маленькую коробочку.

«Диктофон, – похолодел Давыдов. – Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы хоть что-то из этого разговора попало в печать!»

– Я здесь по заданию редакции. Сегодня вечером должна сдать материал. – Дама не собиралась никуда уходить.

– Я хотел бы узнать, кто вас пригласил? – сухо сказал Давыдов.

– Только не устраивай скандала, Виталий! – Таня отвернулась от него и неожиданно шепнула журналистке: – Ох, уж эти мужья! Вечно недовольны.

Давыдов опешил. Совсем не в Танином духе – откровенничать с посторонними людьми. Он смотрел на жену и не узнавал. Вот она, казалось, вся перед ним – маленькая, энергичная, с крепкими руками и только немного пополневшей в последние годы талией. Светлые волосы, блестящие глаза... Все это теперь было каким-то другим – необычным, странным, почти незнакомым... Изменились и голос, и речь, и даже положение фигуры за столом.

«Может быть, Татьяна просто пьяна? – пришло Давыдову в голову спасительное предположение. – Однако с чего бы это?»

– Не думаете, что это какая-то интоксикация? – тихо спросил за его спиной Никифоров. Давыдов быстро оглянулся:

– Что вы имеете в виду?

– А как иначе вы все это объясните? – Прежнего бляення Никифорова не было и в помине.

– Вы что, подозреваете, что Татьяна Петровна ела или пила что-нибудь необычное? – В голову Давыдова закралось страшное предположение.

Никифоров помолчал, как бы раздумывая:

– Если вы имеете в виду какие-то лекарства, то я не видел. Ну, а что-то другое... – Он пожал плечами. – Не знаю, спросите у нее сами.

– Что вы там шепчетесь?

Таня встала из-за стола. Давыдова опять поразил ее взгляд – теперь он стал подозрительным, злым. Никогда раньше Виталий не замечал у нее такого взгляда.

Он быстро подошел к жене и взял ее за руку. Рука была холодна как лед.

– Таня, ты заболела?

Уже не стесняясь Никифорова и журналистки, он открыто приложил свою руку к ее лбу. Лоб пылал. Давыдов даже обрадовался: у Тани просто температура! Может быть, грипп? Но она вдруг резко сбросила его руку, отпрянула от него и закричала:

– Отойди от меня! Я тебя боюсь! Ты сам дьявол!

Краем глаза Давыдов заметил, как журналистка опять повернула диктофон.

– Вы что, не видите, у нас непредвиденные обстоятельства! Ни о каких вопросах и речи быть не может!

– Не надо так волноваться! – Толстушка быстро спрятала диктофон за спину. – Обещаю вам, что ничего лишнего, что могло бы задеть вас или Татьяну Петровну, напечатано не будет!

Давыдов еле себя сдержал.

– Уходите отсюда!

Дама, решив, что и так набрала достаточно материала, бочком двинулась к двери. Таня, безумно озираясь, поднялась из-за стола след за ней, будто собиралась улизнуть.

– А ты куда? Пожалуйста, останься!

– Не подходи!

Татьяна схватила со стола хрустальную вазочку для цветов и шваркнула ею о металлический край стеллажа. Длинный острый край, как кинжал, угрожающе сверкнул. Давыдов, пораженный до глубины души, неосознанно сделал шаг вперед.

– Таня, ты что?

Она затравленно оскалилась:

– Убью, только тронь!

Сзади в самую его шею раздался шепот Никифорова.

– Белая горячка.

– Не может быть. – Виталий не спускал с жены глаз.

Скрипнула дверь. По всей видимости, журналистка осталась подсматривать в щель. Таня вздрогнула и метнула в сторону двери остаток вазы. Удар! Осколки, звеня, посыпались на пол. Раздались испуганный взвизг и быстрый топот удаляющихся ног.

– Пора вызывать «Скорую». Вы бы вышли от греха подальше из кабинета. – Никифоров потянул Виталия к двери.

В них тут же полетел тяжеленный том «Физиологии нервной системы».

– Ага! Испугались! – На Танином лице блуждала безумная усмешка. – Кончилась ваша власть! Теперь надо мной есть господин повыше!

Она бросилась вперед, схватила со стола длинную пластмассовую указку и стала размахивать ею перед собой, будто шпагой.

– Немедленно прекрати! – Давыдов выхватил указку из ее рук, швырнул в сторону и крепко схватил жену, надеясь успокоить. Но Таня забилась, вырываясь из его рук, закричала нечленораздельно страшно. С неожиданной силой она, вырываясь, пинала его, била кулаками и пыталась укусить. Прибежавшие на крик лаборантки, онемев, застыли на пороге.

Неизвестно, чем бы закончилась драка, но Танино тело вдруг резко обмякло. Она больше не сопротивлялась. Голова ее бессильно запрокинулась набок, так, что стало не видно лица. Давыдов взял жену на руки. Тело ее вдруг стало очень тяжелым. Он поискал глазами какой-нибудь диван или кушетку, но ничего не было. Тогда он положил Таню на пол. Руки и ноги ее еще слабо шевелились, и он не нашел ничего лучшего, как лечь рядом с ней в обнимку, чтобы держать в случае, если с ней снова случится припадок.

Дежурная «Скорой» очень долго выпрашивала возраст, имя, фамилию больной, адрес института, подъезд, этаж, выясняла, кто вызвал и кто встретит бригаду. Давыдов слышал, как за дверью Никифоров дает ответы.

Вдруг стало очень тихо. Лаборантки убрались восвояси. Таня лежала неподвижно с закрытыми глазами, и Виталию показалось, что она снова обрела свой истинный облик. Он почему-то подумал: даже жаль, что в этом их объятии на полу нет ни намека на любовное соитие...

Он опустил голову на пол рядом с Таниной головой, почувствовал щекой шероховатость линолеума. Он будто видел себя со стороны: не очень молодой мужчина, в костюме и в галстуке, валяется на полу. Чертова журналистка написала бы: «Секс в начальственном кабинете» – и проиллюстрировала фотографией... Вот бы читатели порадовались!

Он поразился, какая чепуха ему лезет в голову. Но все-таки что случилось? Он шел к жене, чтобы поделиться с ней важным, необходимым, а встретил бред, галлюцинации, кошмар – все, что угодно, только не то, что ожидал. У него возникло странное ощущение, будто жена ему изменила.

Послышались чьи-то шаги. Давыдов осторожно повернул голову. Возле его лица остановился Никифоров, присел на корточки, спросил:

– Что с ней? Уснула?

Его ботинки противно воняли дешевым кремом. Давыдов вдруг подумал, что, если его сейчас пнут, он будет беззащитен. Он даже мысленно подобрался, решив, что в этом положении лучше всего схватить противника за ногу и резко дернуть на себя.

– Может, все-таки встанете? «Скорая» приедет не раньше чем через полчаса.

Ноги Никифорова удалились от него на приличное расстояние. Давыдов видел, как, отойдя в дальний угол, Никифоров воткнул в розетку провод от электрического чайника.

– Что будете пить? Чай или кофе?

Давыдов возмутился, зло прошептал:

– Какое сейчас чаепитие?

– Ну, как хотите.

Через некоторое время чайник зашумел, закипел. Виталий посмотрел на жену, она лежала все так же неподвижно. Встал. Конечно, никакой чай пить не стал. Постоял некоторое время, потом взял стул и сел возле нее. Никифоров что-то шумно хлебал из фаянсовой кружки, потом вытащил сигарету и закурил.

– Может, выйдете отсюда? – еле сдерживаясь, прошипел Виталий.

– Что вы так нервничаете? Вы что, раньше ничего такого не замечали? – с интересом спросил у него Никифоров.

Этот вопрос Давыдова ошеломил. Что, собственно, он должен был замечать?

Он ничего не понимал. Да, последнее время Таня жаловалась, что у нее болит голова, но... он действительно ничего не понимал! Нет, за всем этим что-то кроется! Какая-то чудовищная подстава. И этот развязный тон у Никифорова...

– А если вы что-то замечали, почему не пришли ко мне? Ничего не рассказали?

– Ну, знаете ли, Виталий Вадимович! – Никифоров, прищурившись, выпустил из обеих ноздрей дым. – Я думаю, мужу рассказывать о жене... Себе дороже.

– Куда идти?

Неожиданно за их спинами послышался женский голос, и врач «Скорой помощи» – полная молодая женщина в синей, пропотевшей на спине куртке – протиснулась в дверь. Следом, озираясь по сторонам, вошел щуплый фельдшер с тяжелой коричневой сумкой.

– Вот больная.

Давыдов вдруг почувствовал, что от волнения на глаза у него накатались слезы. Он отвернулся от Никифорова и опустил на корточки рядом с Таней. Никифоров отошел, а доктор тоже присела, взяла Таню за руку, определяя пульс, потом приоткрыла Тане веко.

– Давно она без сознания?

– Как без сознания? Разве она без сознания? – Виталий взял Таню за руку с другой стороны. – Мы думали, она спит...

Доктор скептически поджала губы и стала надевать Тане на руку манжетку манометра. Никифоров подошел ближе.

– Есть хоть давление?

Давыдову захотелось ударить Никифорова, но он, прижав руку ко рту, молча следил за цифрами на табло аппарата. Доктор вынула трубочки из ушей.

– Очень низкое. – Она прослушала сердце и легкие, помяла живот, ощупала голову, проверяя, нет ли травмы.

В дверь снова заглянули лаборантки. Из какого-то суеверного чувства Давыдов не приказал им уйти. Ему казалось, что чем больше народа будет беспокоиться о его Тане, тем будет лучше.

– Сколько она уже так лежит?

Виталий не знал. Никифоров посмотрел на часы.

– Приблизительно двадцать минут.

Доктор вздохнула и что-то сказала фельдшеру. Тот раскрыл сумку и стал набирать в шприц лекарства.

– Что вы собираетесь делать?

– Сердечное средство. Вы родственники или сослуживцы? Расскажите же, что здесь произошло.

Давыдов помолчал, собираясь с мыслями. И вдруг Никифоров вышел из-за его спины и стал говорить. Его слова произвели в сознании Давыдова переворот.

– Я это заметил месяца полтора назад. Причем, – он быстро взглянул на Виталия, – не заметить это было невозможно. Эта женщина, – он показал на Таню, – заведующая нашей лабораторией. И она очень странно вела себя в последнее время.

– Что вы несете? – грубо сказал Давыдов.

– В чем была странность? – спокойно спросила доктор, и Давыдов почувствовал к ней благодарность за ее спокойствие. В Никифорове он видел врага, а доктор, как ему казалось, была на Таниной стороне, а значит, и на его.

– Татьяна Петровна стала как-то странно заговариваться, – пояснил Никифоров. – Это заметил не только я. Наши лаборантки тоже не раз спрашивали у меня, в чем дело. Было такое впечатление, что в сознании ее что-то переключалось по несколько раз на день. То она нормальная – и вдруг чик-чик! – Он показал пальцами на висок. – Что-то у ней сдвигается, и она уже несет полную чушь.

Давыдов сказал:

– Это неправда. Я ее муж. Я ничего такого не замечал.

– Спросите у других сотрудников, – спокойно заметил ему Никифоров. – Я вас не обманываю. Вам все скажут, что с Татьяной Петровной в последние недели невозможно было говорить дольше пяти минут.

– Почему? – снова спросила врач.

– Вот эти самые «чики». Чики, чик-чирики.

– Не фамильярничайте! – крикнул ему Давыдов.

Врач внимательно слушала.

– Но все-таки о чем говорила ваша заведующая?

Никифоров вяло пожал плечами:

– Начинала она всегда о работе. Два-три предложения говорила дельных. А потом шли какие-то странные обрывки фраз. Что-то несвязное, будто бред. Но это не всегда. Иногда можно было разобрать, что она говорит о Боге. Вот как сегодня, например. Вы тоже слышали... – Никифоров повернулся к Давыдову. – А мы на протяжении месяца слушали это

каждый день. Нечто о необходимости исцеления души через любовь, что-то о том, что если будет лекарство, которое может вызывать любовь, то через нее можно лечить многие болезни, которые до сегодняшнего дня считались неизлечимыми... Но все так сумбурно, бессвязно. И, честно говоря, слушать это каждый день надоело.

Врач что-то записывала в свои бумаги. Фельдшер тем временем сделал Тане укол. И вдруг одна Танина нога резко поднялась и согнулась в колене. И фельдшер, и Никифоров, стоявшие ближе к Тане, чем Давыдов, отпрянули. А Танина вторая нога вдруг тоже неестественно вытянулась и согнулась. Это было похоже на оживление Терминатора.

– Господи, что с ней?

Врач опустила на корточки и пощупала Танино бедро, икроножную мышцу, пальцы. Быстро отдала приказание фельдшеру. Тот снова стал набирать в шприц лекарства. Таня стала шумно и редко дышать. Руки ее поднялись вверх и беспорядочно скребли воздух.

– Она умирает?! – спросил потрясенный Давыдов.

– Вводи скорее, – шепнула врач, а Никифорову и Давыдову приказала, схватив Танины руки: – Это судороги. Нужно ее держать. Навалитесь оба на ноги.

Дальнейшее Давыдов помнил смутно, как в тумане. Таня опять бессвязно кричала, рвалась, потом наступила глубокая неподвижность, похожая на смерть. Потом Давыдов нес ее на руках по лестнице вниз, пронзительно выла сирена «Скорой помощи», за окнами мелькали какие-то незнакомые улицы, неизвестные дома. Металлические ворота больницы разверзлись перед ним как адовы врата. Он снова куда-то нес Таню. Затем уже в отделении его отстранили. Сказали, что он может идти, что они сделают все, что могут.

Два дня его к ней не пускали. Эта неизвестность измучила Виталия вконец. Потом через родственников он нашел Преображенова. Разговор с Александром Борисовичем был коротким.

– Если считаешь нужным, Виталий, транспортируй жену к нам. Я дам распоряжение – ее примут. Больница у нас клиническая, специалисты хорошие – разберутся.

Давыдов еще спросил:

– А условия у вас нормальные? Я имею в виду палаты, ну, и все остальное...

Ответ Преображенова поверг его в ужас:

– В том положении, в котором находится твоя жена, надо спрашивать не об условиях пребывания в палате, а о враче, который эту палату будет вести. Врач будет хороший. Это я тебе гарантирую.

– Как его зовут?

Преображенков чуть усмехнулся:

– Не «его», а «ее». Посмотрит твою жену заведующая семнадцатым отделением Альфия Ахадовна Левашова.

Альфия

Кабинет Альфии казался эталоном минимализма шестидесятых.

«Это от бедности или от особенности вкуса?» – спросил себя Дима, когда Альфия пригласила его сесть.

Широкое окно, тоже с решеткой, было раскрыто. При каждом дуновении ветерка металлические спиральки с крошечными колокольчиками, привешенные к люстре, издавали мелодичный звон. На журнальном столике (лакированная панель с тонкими ножками) стоял наготове электрический чайник. Дорогой письменный прибор, явно чей-то подарок, соседствовал на письменном столе с круглым аквариумом.

– Просторный у вас кабинет.

Дима не сразу решил, куда ему сесть. Синие рыбки, услышав чужой голос, сбились в аквариуме стайкой возле камней, и Сурин устроился подальше – в низкое кресло. Альфия стояла возле окна – поливала из стеклянного кувшина цветы. На окне, за накрахмаленной тюлевой занавеской, цвели голубые и лиловые фуксии. Дима раньше понятия не имел, что эти цветы – напыщенные бочонки среди седых небритых листьев – так называются. Однако у него было хорошее зрение: из каждого горшка торчала цветная этикетка на палочке из цветочного магазина.

Альфия все молчала, и он не знал, как себя вести.

– У вас тут как дома.

Альфия поставила на место кувшин, прошла и села за свой рабочий стол. Рыбки выплыли из-за камня и стали тыкаться носами в стекло в ожидании обеда.

– Когда я была студенткой, у нашего профессора психиатрии был похожий кабинет. В нем проходили заседания научного кружка.

– А в хирургическом центре, где я раньше работал, такой уютный кабинет был разве что у заведующего патологоанатомическим отделением.

Альфия неопределенно хмыкнула.

– Знаете, а я ведь почувствовал, что главный врач меня направит именно к вам.

Какую глупость он сморозил, не подумав! Получилось, что он с ней заигрывает.

Альфия нахмурилась.

«Сколько же ей лет? – подумал Дима. – Наверное, больше тридцати. Лет тридцать пять – тридцать шесть. И хотя лицо гладкое, без морщин, выражение не девичье – серьезное».

– Ну ладно, мальчик. Все-таки расскажи, что ты знаешь о психиатрии? – Альфия еще не выработала о Диме собственного мнения, но раз судьба свела их вновь, почему бы ей опять не пококетничать? У нее с утра было хорошее настроение.

– О психиатрии? – Дима решил не кривить душой. – Почти ничего. Кроме того, что это сложная, непонятная, малоизученная специальность.

Альфия удивленно приподняла брови.

– Ничего не знаешь? Как же это так? Чтобы попасть сюда на работу, нужно выдержать непростой конкурс.

– Дуракам везет, – отозвался Дима. – Вот такое странное произошло стечение обстоятельств. Но главный врач сказал, что вы меня всему научите...

– Чему это «всему»? – ухмыльнулась Альфия.

Дима посмотрел на нее, немного покраснел и промямлил:

– Психиатрии.

– А-а! Слава богу!

«Какой он все-таки еще молодой! – думала Альфия. – И не нахал. В целом приятный молодой человек».

А Дима с сожалением вспомнил, что в его дипломе было только три четверки против всех остальных отличных оценок – судебная медицина, «глазки», то бишь глазные болезни, и... психиатрия. Психиатрию изучали на пятом курсе, а он в это время уже вовсю дежурил в хирургическом отделении ночным медбратом. Он вспомнил это так отчетливо, как будто все было вчера. Какое счастливое время!

Альфия воткнула вилку чайника в розетку, открыла коробку конфет.

– Любишь сладенькое?

– В принципе, нет.

– Обрати внимание, наши больные все время сахар едят. Хрумкают, будто кролики.

Дима сказал:

– Эндорфинов им, наверное, не хватает. Гормонов радости.

– Ну да. – Альфия прищурилась. – Так в женских журналах пишут. На вот, почитай литературу посерьезнее. – Она порылась на полках книжного шкафа и протянула ему толстый потрепанный журнал. – Закладкой отмечено.

– «Психиатрия», – Дима посмотрел обложку, год издания. И подумал: «Не первой свежести, однако, журнальчик».

– Не осетрина, – угадала Альфия его мысли. – Во всяком случае, с тех пор в теорию биохимизма мозга мало что добавлено.

Дима индифферентно положил журнал на столик, передернул плечами.

– В хирургии за десять лет был совершен прорыв, сопоставимый с полетом в другую галактику.

«Он что, дурак?» – Альфия подошла к низкому креслу, демонстративно уселась в него и картинно закинула ногу на ногу.

– Знаешь что, дорогой. – Она взяла двумя пальцами из коробки шоколадную конфету, широко раскрыла рот и вложила в него конфету целиком, не раскусывая, медленно прожевала. – Я бы тебе посоветовала как можно быстрее начать осваивать новую специальность. Иначе какой смысл в твоём приходе? Для того чтобы все время оглядываться назад и ничего не делать?

Дима был оскорблен.

– Я еще никогда в своей жизни не был балластом.

– Тем лучше.

Чайник вскипел, но Альфия не стала заваривать чай. Она взяла с книжной полки баночку с кормом для рыб, кинула щепотку в аквариум, обернулась к Диме.

– Значит, запомни. Твои больные – с тридцатой койки по сорок пятую. Пока пятнадцать человек. Вот истории болезни. Через полчаса пойдем на обход.

С этими словами она легко провернулась на каблуках и вышла из ординаторской.

Дверь тяжело захлопнулась, и новый доктор отделения остался один. За окном о чем-то весело просвиристела синица. Диме показалась, что она над ним посмеялась.

Оля Хохлакова

– Слышали, у меня теперь будет новый доктор?!

Закончив обед, Оля Хохлакова тщательно протерла туалетной бумагой большую алюминиевую ложку, аккуратно завернула ее в шелковую тряпочку, сверху перевязала ленточкой, упаковала в полиэтиленовый пакетик. А пакетик завернула в упаковочную бумагу и аккуратно поместила в необъятный карман своей вытянутой цветастой кофты. Вопрос ее был адресован Насте и Марьяне – еще довольно молодой женщине, чья кровать располагалась от Настиной с другой стороны.

– Симпатичный? – поинтересовалась Марьяна.

– Красавчик. Как из кино. – Хохлакова закатила глаза и прижала руки к груди. – Только, чур, девчонки, не лезть! Он – мой. А если начнете с ним шуры-муры, я вам обеим морды-то расцарапаю!

– Если красивый, значит, подослан, – заметила Марьяна.

– Кем подослан? – весело посмотрела на нее Хохлакова.

– Не знаешь, что ли, кем? Ходят, все вынюхивают, выискивают... Надоело уже.

Марьяна была полноватой черноглазой брюнеткой с одутловатым лицом, с короткой стрижкой, открывающей невысокий, совершенно гладкий лоб и короткую крепкую шею.

– Ой, Марьянка, он на шпиона совсем не похож! – воскликнула Хохлакова, и поскольку глаза у нее вращались быстро, а язык, наоборот, из-за своей величины ворочался во рту медленно, то вместо имени Марьяна Ольга произносила что-то нечленораздельное.

На Настю новый доктор особенного впечатления не произвел. И вообще она чувствовала себя плохо. По сравнению с утренним настроением у нее поменялось на сто восемьдесят градусов – последнее время у нее все время было так: то хотелось порхать, а то провалиться в койку под одеяло и лежать, ни на кого не обращая внимания. Настя опустила колени на пол, животом навалилась на край кровати и закрыла глаза.

– Ты чего? – толкнула ее Хохлакова.

– Отстань! – Насте было тошно, противно, голодно и зло. Хотелось растерзать целый мир. Еще и обед был, как всегда, пресный, невкусный. Она попробовала две ложки и не стала есть, отдала Хохлаковой.

– А фигура-то у него... Класс! И плечи широкие! А руки сильные, если сожмет... – закатывала Оля глаза. – Представляешь, Настасья?

– Ой, отвали! Живот болит.

– Месячные, что ли? – заинтересовалась Марьяна.

– Нет. Еще целых пять дней. Просто болит. И тошнит.

– Давно это у тебя?

– Не знаю. С обеда началось.

– Ну ясно, подсыпали что-нибудь в суп, – сказала Марьяна. – Видели, цвет был зеленый? Это мышьяк все продукты в зеленый цвет окрашивает.

– Это из-за капусты, – сказала Хохлакова. – Капусту молодую в щи положили. А мяса нет. Уже четвертый день. Вот скажите, на хрена было деньги на свежую капусту тратить? А я слышала на пищеблоке, что лимит больницы на питание исчерпан. И пенсию выдавать не будут. Либо будем теперь с голодудохнуть, либо все расписку дадим, чтобы наши пенсии на питание пересчитывали.

– Слушай, замолчи! – сказала Настя.

– Я двадцать лет на Севере отработала, а теперь «замолчи»?! – Хохлакова и ругалась так весело, что непонятно даже было – ругается она в самом деле или просто так шутя борется за

справедливость. – Мало того что лекарства дорогие, так теперь я еще должна всю больницу кормить? Что ты молчишь, Настасья? Скажи!

– Ты что, за лекарства платишь? – спросила ее на ухо Марьяна.

Хохлакова зыркнула на нее:

– Еще не хватало! Но выпишут – так буду платить.

– А у нас наверху мужики платят.

– Да я бы тоже заплатила, лишь бы отсюда выбраться.

Настя спустила матрас с постели на пол, задвинула его под свою кровать и распласталась на нем на животе, как лягушка, под навесом расстеленной на голом каркасе кровати простыни. Свое розовое, атласное, привезенное из дома одеяло она скомкала и подпихнула под бок.

– Ну, деньги-то не твои, а материны, – заметила Хохлакова. – Не то что у нас.

– Сверху мужики говорят, что тех, кто деньги платит, лечат хорошими лекарствами, – опять зашептала Марьяна. – А тех, кто платить не может, но лечиться хочет – заставляют лекарства отработать.

– Как отработать?

– Заведующий там чего-то строит.

– Это у них трудотерапия называется. – Оля опять плохо выговорила трудное слово. – Если будут выписывать – сначала курс трудотерапии надо пройти. Верный признак.

– Меня сейчас вырвет. – Настя вдруг судорожно закашлялась, и содержимое супа вылилось из ее рта на розовую шелковистую ткань.

– Чего же ты одеяло запачкала? Надо было на пол блевать!

Оля Хохлакова расстроилась. Она любила хорошие вещи, пусть даже не свои. Марьяна тоже присела к Насте под кровать и с подозрением стала рассматривать зеленую жижу, расплывшуюся на атласе широким пятном. И чем больше она смотрела, тем больше ей казалось, что у нее тоже болит живот.

– Меня сейчас тоже вырвет! – объявила она, еще даже не выпрямившись от Настиного лежбища.

– А меня уже вообще пронесло! – заявила еще одна обитательница с кровати подальше.

– Это не с супа! Это с котлет. Котлеты были морковные с луком. А лук вонял! – раздалось еще одно авторитетное мнение.

Дискуссия о качестве еды разгорелась пожаром и начала охватывать все отделение, как вдруг откуда-то появилась Сова.

– Чего разорались, как на базаре?

Женщины разом замолкли и быстро расползлись по местам. Очень быстро сборище больных возле Настиной кровати рассосалось, и стала хорошо видна голая простыня.

– Где Полежаева? – спросила Сова, увидев, что Насти нет на месте. – В туалет пошла?

Все молчали. Нинель поправила очки и грозно осмотрела владения.

– Здесь она. Под кроватью, – ответила за всех Хохлакова.

Нинель подошла к Настиному месту, постучала по пружинистой сетке.

– Опять от кого-то прячешься? Ну-ка, вылезай! – Она заглянула под кровать, увидела пятно. – А это что такое?

Настя поднялась, села на матрасе, пригнув голову, чтобы не стукнуться.

– Вырвало меня. И живот болит.

– Она беременная, наверное! – не обращаясь особенно ни к кому, но больше разворачиваясь в сторону медсестры, сказала Хохлакова.

Марьяна опять подумала про мышьяк, но вслух ничего не сказала. Сова наклонилась к Насте.

– Поболит – перестанет. – Она достала что-то из кармана. – На вот тебе ключ от душевой, сходи туда, умойся и постирай одеяло. Ключ через полчаса мне отдашь! – Она снизила голос до

полушепота: – Хотя и не время сейчас пользоваться душевой, но для тебя делаю исключение. Поняла?

– Поняла.

Сова выпрямилась и оглядела молчавших вокруг нее женщин.

– Ты, Хохлакова, возьми ведро и тряпку и протри два окна. А вторые два окна Марьянка протрет, а то сквозь пылюку и дороги не видать.

Остальные сжались на своих кроватях, желая сделаться незаметнее, чтобы и им не дали какую-нибудь работу. Нинель, удовлетворенная наведенным порядком, еще раз окинула всех взглядом поверх очков и удалилась.

Больные некоторое время молча сидели по койкам, не поднимая глаз. Но вот одна тетка, сидевшая недалеко от Марьяны и слышавшая предыдущий разговор, сказала:

– Вот вам и трудотерапия!

И всех будто прорвало. Пациентки зашевелились, захлопали дверцами тумбочек, начали переговариваться – обрадовались, что гнев медсестры их не коснулся.

Оля Хохлакова, которая не боялась никакого труда, заговорщицки наклонилась к Марьяне:

– Дашь мне шоколадку за то, что я вместо тебя протру твои два окна?

Марьяна немного подумала и вытащила из кармана своих хлопчатобумажных шортов небольшую «Аленку». От жары шоколадка растаяла, помялась и испачкала Марьяне руки.

– Чего в холодильник-то не положила? – недовольно спросила Хохлакова.

– Щас. Сама знаешь – или украдут, или подсыпят чего-нибудь. Не хочешь, не бери!

Марьяна не стала облизывать пальцы, аккуратно вытерла их салфеткой. Оля посмотрела, как она их вытирает, и у нее изо рта потекла слюна. Оля любила сладкое и представление о мягком, растекающемся по языку шоколаде было так соблазнительно, что она, не став спорить, быстро протянула руку к Марьяне и через секунду уже шуршала оберткой. Ее круглое красное лицо с испачканными шоколадом губами, языком и даже щеками светилось таким неподдельным удовольствием, что Настя, случайно взглянувшая на нее со своего матраса, опять испытала приступ тошноты.

Настя Сову не боялась. Знала, что мать с отчимом приедут и отвалят ей приличное вознаграждение, и даже знала, что они уже звонили Сове, договаривались, чтобы та помягче относилась к их дочери. Поэтому Настя хотела снова залечь под кровать. Но выполнить это ей не удалось. Противная тетка, чья койка располагалась у дальнего окна, схватила Настю за плечо и горячо зашептала в ухо:

– Дай мне на полчаса ключ от душа! Ты же еще не скоро туда пойдешь! Даже только минут на пятнадцать!

Настя молчала. Ключ от душевой в неурочное время был ее личной привилегией. Насте нравилось, что Сова отличала ее от других больных и была с ней вежлива. От тетки же исходил мерзкий запах дешевого дезодоранта, чеснока и пота. И вообще эта больная с ее просьбой была неприятна. Если Нинель узнает, что Настя нарушила правила и отдала ключ (а при пространном всеобщем доносителе Нинель обязательно это узнает), Настины привилегии закончатся. Насте рисковать не хотелось. Однако больная не унималась:

– Я тебе дам два яблока и лак для ногтей.

– Не нужны мне яблоки. – Настя крепче сжала ключ в кулаке.

Женщина, уговаривая, обняла Настю за плечи и пахнула ртом.

– Ну, лаком тогда дам покрасить ногти. На руках и на ногах! Лак самый модный. Сиреневый!

Кроме запаха чеснока и дезодоранта, от тетки исходил еще какой-то присущий только ей невыносимо резкий запах тела. Насте стало дурно. Цепкие потные пальцы не только не

отпустили ее плечо, но переместились ниже к ладони и стали выдирать ключ из ее пальцев. Настя сжала кулак, но скоро поняла, что собственными силами ей не справиться.

– Оля-я-я! – отчаянно закричала она из-под кровати.

Хохлакова в этот момент собиралась отправить в рот последний кусок шоколада. Настин крик вывел ее из состояния шоколадной нирваны. Оля не любила, когда ей мешают.

Хороший пинок, нанесенный крепкой Олиной ногой, заставил Настину противницу оставить попытки силой добыть ключ от душевой. Больная ослабила хватку, встала перед Настей на четвереньки.

– Ну, что ты хочешь взамен?

Настя поняла: от нее не отвяжутся и надо извлечь из этого пинка пользу.

– Хорошую сигарету.

– Нет у меня сигарет.

– Тогда иди на фиг.

Просительница изменила тактику.

– Ну, д-а-а-ай ключик, пож-а-а-алуйста! Что тебе, жа-а-алко! – заныла она.

Вой был такой противный, что Настя уже готова была сдаться. Выручила опять Хохлакова.

– Она тебе даст ключ, а ты постирай ее одеяло! – сказала она с набитым ртом.

Такой вариант всех устроил.

– Мыло давай! – Цепкие руки сгребли одеяло в охапку.

– Возьми порошок в тумбочке. – Настя разжала пальцы и снова легла на живот.

Ольга проглотила последний кусок и икнула.

– Только отсыпь при всех! – сказала она. – А лак для ногтей давай сюда за посредничество. Я ногти покрашу. У меня теперь новый доктор!

Обладательница лака для ногтей потеряла ушибленную задницу, пробурчала: «Ладно, принесу!» – и скрылась в направлении душевой.

– Думаешь, она там мыться будет? – скептически прокомментировала Марьяна. – Губы накрашит, глаза подведет, разденется догола и будет душем себе между ног наяривать. Потом привалится к стене и зарыдает басом. Она все время так делает, я уже не раз видела.

– Это последнее дело, – укоризненно покачала головой Хохлакова. – Я лично так не могу. Только с мужчинами. А каким другим способом – ну уж нет! Не по-божески это!

– А мне это вообще не надо! От этого только одна зараза! – отозвалась со своего места Марьяна.

– Да тебя послушать, и мужиков-то нормальных на свете нет! – Оля Хохлакова была натурой любвеобильной и верила в людей. До помещения в больницу она была замужем четыре раза.

– А их и быть не может, если вокруг и света нет, только тьма...

Интересную беседу прервал звук открываемой ключом двери. Послышались незнакомые шаги. Обе женщины обернулись: в их отсек вошел новый доктор Дмитрий Ильич. В руках он держал пачку историй болезни. Доктор явно не знал, с какой палаты начать. Собственно, отделение состояло не в прямом смысле из палат, а из отсеков с широкими проемами вместо дверей. Все было устроено так, чтобы от входной двери просматривались все койки.

– Не бойтесь, идите к нам, доктор! – позвала его Хохлакова, увидевшая Дмитрия первой, – ее кровать располагалась ближе всех к проему. Радость первого свидания чуть омрачало только сожаление о ненакрашенных ногтях.

– Почему вы думаете, что я вас боюсь? – остановился около ее постели Дима.

– Я не думаю. Я вижу! – сказала Хохлакова. – Начните с меня! Что это у вас? Истории болезни? А Альфия Ахадовна никогда с собой истории не берет. Думает, что сопрем. И правильно – мы это можем!

Оля бравировала. При виде любого молодого сильного мужчины она испытывала острое возбуждение. Но возбуждение ее не просто связывалось с желанием. Она чувствовала к избраннику страсть сродни материнской – если бы Оле позволили, она ухаживала бы за предметом страсти с тем же рвением, с каким достойная мать ухаживает за первенцем.

– А зачем вам истории болезни красть? – спросил Дима.

– Ну как же, доктор! – в недоумении надула испачканные губы Хохлакова. – Для нас история болезни – все равно что паспорт.

– А паспорт тоже бывает фальшивый, – сказала Марьяна. – Только фальшивые паспорта делают мошенники, а фальшивые истории болезни – темные люди. И здесь такие есть! – добавила она, понизив голос.

Дима окинул взглядом помещение – куда бы сесть. Кругом только койки, койки, койки... И на них женщины. Скучные, землистого цвета лица. В дальнем конце коридора – столовая. Он решил сесть туда.

– Доктор, вам помочь? – За спиной его раздался голос Совы. Она подошла и остановилась рядом. – Вообще-то у нас доктора к больным не ходят.

Дима в недоумении посмотрел на нее.

– Вы скажите, с кем хотите побеседовать, я вам в кабинет больную приведу. – Сова мягко отобрала у него картонные папки.

– Я просто познакомиться зашел, – пробормотал Дима. – А для беседы, конечно... – Он сообразил, что в кабинете с глазу на глаз с больными действительно работать спокойнее.

– Так отнести истории? – спросила Сова.

– Куда?

– В кабинет.

Дима на секунду задумался. Почему-то ему все-таки захотелось настоять на своем.

– Отнесите. Но я все-таки здесь познакомлюсь со своими больными. И скоро вернусь.

Сова недовольно на него посмотрела и ушла. Дима взялся обеими руками за круглую металлическую спинку Олиной кровати и громко сказал в направлении с пятнадцатой койки по тридцатую:

– Я ваш новый доктор. Для первого раза хотел бы просто узнать, как кого зовут.

Дмитрий

Познакомившись с Хохлаковой, он перешел к Настиной койке.

– Где же больная?

– Да вон там!

Оля была готова сделать для него что угодно. Попроси он ее встать на четвереньки и лаять как собака, Оля сочла бы это за честь. Но Дмитрий Ильич, к ее великому сожалению, отвернулся и ничего больше не спросил. Его больше заботила пустая кровать с вытасненным матрасом.

– Что вы там делаете? – Дима с удивлением заглянул под кровать и увидел там Настю.

Сломанная, истерзанная очаровательная кукла с тонким лицом, с хрупкими руками, какой-то злой силой выброшенная в матрасную пыль, – такой Настя представилась ему в тот момент. Он вспомнил, что уже видел эту девушку перед обедом. «Как она попала сюда? По какой нелепой ошибке?» – подумал он. И вдруг тайная, совершенно не подходящая к моменту радость овладела им: «Как здорово, что она случайно оказалась в числе моих больных!»

Насте не хотелось ни с кем разговаривать и очень хотелось послать доктора куда подальше. Однако даже трехнедельное пребывание в больнице ее уже научило: ругаться нельзя ни при каких обстоятельствах. Следствием будет укол, от которого скрючится, искорежится судорогами тело. Однажды она испытала это на себе – в первый же день, когда нянька, оставленная присматривать за ней, привезла ее в больницу. Конечно, Настя сама ни за что не согласилась бы, но шофер, предатель, сказал, что они едут просто прогуляться, проветриться за городом в жару. Это он попросил ее зайти внутрь, якобы провести его знакомого, а когда она поняла, как коварно ее обманули, она устроила здесь такое... Тогда-то ей и сделали укол. Потом она видела действие укола и со стороны – увиденного оказалось достаточно, чтобы Настя перестала ругаться в присутствии медперсонала. Все больные в отделении перво-наперво усваивали эту цепочку причины и следствия – кто на других, кто на себе: всякое недовольство, выраженное вслух, в зародыше беспощадно подавлялось. Достаточно было Сове пожаловаться Альфие – та вызывала бунтарку на короткую беседу, и затем почти всегда следовало наказание. Поэтому Настя и сейчас промолчала. Ждала, что, не дождавшись ответа, молодой доктор перейдет от нее к следующей больной. Даже не повернула головы.

– Она всегда так лежит? – теперь Дима обратился с вопросом к Марьяне.

Марьяна не любила разговаривать с неизвестными. Что за человек? Откуда взялся? Она все время боялась какого-нибудь подвоха. Оля Хохлакова, напротив, опять проявила рвение, хоть ее и не спрашивали.

– Да у нее живот сильно болит! – охотно пояснила она, бухнувшись на кровать всеми своими девянстами килограммами живого веса, чтобы по первому зову доктора встать в полной боевой готовности.

– Болит живот? – Дима снова заглянул под кровать. – А что, если лежать на полу, помогает?

Хохлакова зашлась искренним, хотя и подобоострастным смехом.

– Да у нее там убежище. Она всегда там лежит, когда Нинка не видит, – осторожно показала Марьяна в конец коридора, где снова появившаяся Сова раскладывала таблетки.

У Димы сработал годами выработанный рефлекс. Болит живот – больного на кушетку. Слегка согните ноги в коленях, расслабьтесь. Так больно? Повернитесь на левый бок. А так? Теперь на правый...

Однако как же теперь поступить? Не лезть же ему под кровать?

– Помогите мне, – обратился он к Ольге и Марьяне. – Нужно поднять девушку. Живот я должен осмотреть в любом случае.

Татьяна

Кроме длинного помещения для больных, по обеим сторонам общего коридора существовали две маленькие изолированные комнатки. Около одной из них находился пост Нинель (которая к тому же была безраздельной хозяйкой двух кладовых, процедурного кабинета, склада для так называемой аптеки и санитарных помещений). В одну из этих отдельных комнаток и положили родственницу главного врача.

Альфия вошла в комнату с задернутыми шторами. Перед окном росли кусты сирени, снизу почти до самого подоконника поднималась крапива и репейник, и от них по комнате разливался безжизненный зеленоватый отблеск. Может быть, он, зеленый, и полезен для глаз, но в тусклом свете запрокинутое на низкой подушке лицо лежавшей женщины показалось Альфии неживым. «Давыдова Татьяна Петровна, – прочитала Альфия имя на первой странице еще чистой истории болезни. – Сорок семь лет». Внутри в конверте лежала выписка из стационара Санкт-Петербурга.

– Вы спите? – Альфия слегка прикоснулась к одеялу. – Слышите меня?

На раздутом лице чуть дрогнули веки. Шевельнулись темные запекшиеся губы.

Альфия слегка откинула одеяло и посмотрела ноги больной. Какой отек! Виден даже на глаз. И в памяти всплыл ироничный голос их профессора: «Если у больного есть отек на ногах, это не значит, что его нет в голове». Альфия усмехнулась. Профессор специально строил фразы чуть-чуть неправильно, чтобы студенты лучше запоминали. Расскажи он им просто про отек мозга – эффект был бы хуже. И, кроме того, ему было очень скучно в их безграмотной и безликой компании перестроечных детей, запутавшихся в понятиях, и он пытался, как мог, сам себя развлечь. Профессор отличался либеральными настроениями, но не отличался смелостью и волей – и психиатрия была для него той областью жизни, где он прятался от жизни настоящей. Но для Альфии, как она теперь понимала, он был прообразом вежливого и всепонимающего Бога. Тем самым типом, который бессознательно ищет в мужчинах большинство романтически настроенных девочек из неполных семей.

– Ну, здравствуйте, Татьяна Петровна! – громко сказала Альфия, прошла к окну и отодвинула штору. День склонялся ко второй половине, и сбоку сквозь темную листву проникало солнце.

Татьяна открыла глаза и с трудом попыталась проследить за Альфией. Она различала только белый халат и черные блестящие волосы. Лица женщины она не видела – из тени только слегка поблескивали глаза.

– Вам трудно смотреть? – спросила Альфия и вышла из тени.

– Кто вы? Где я? – хрипло спросила больная, с трудом разлепляя запекшиеся губы.

– Вы в больнице. Я ваш врач. Вы разве не помните, что с вами было?

– Нет, – с трудом покачала головой Татьяна.

– Ну попробуйте восстановить события. Как вы думаете, почему вы оказались в больнице?

Таня смотрела на Альфию и не могла ответить. Слова было трудно произносить. Но не оттого, что не шевелился язык или звук не проходил сквозь гортань. В голове гудело что-то непонятное – какое-то месиво слов без мыслей, без понятий.

– Меня зовут Альфия Ахадовна. А вас?

Альфия прекрасно видела и имя, и фамилию пациентки, написанные на бумаге, но хотела, чтобы та произнесла их сама. Если человек может назвать себя по имени, обозначить в пространстве, во времени – уже хорошо. По крайней мере, не полная безнадежность.

Татьяна молчала.

– Вы молчите, потому что не хотите, чтобы кто-то знал ваше имя? Или не помните? Или не можете сказать?

Таня закрыла глаза. У нее возникла не мысль – ощущение, что ее молчание может вызвать у этой женщины в белом халате недовольство или даже гнев, но произнести свое имя она все равно не смогла.

– У вас что-нибудь болит? – опять спросила Альфия.

«Болит...» Это слово Таня вспомнила. Вспомнила и то, что оно означает. Немилосердно болела точка в верхней части груди, около ключицы. Таня потянулась к этому месту рукой. Наткнулась на что-то шершавое, инородное, не похожее на кожу, и замычала.

– Это катетер, – пояснила Альфия. – Вам сюда вводили лекарства. Когда катетер вынут, ранка заживет. У вас вены на руках очень плохие.

«Нет, это гвозди», – вдруг подумала Таня.

Удивительно, но понятие гвоздя далось ей легко. Она будто увидела серую круглую сталь, шляпку и пятигранное острие. Таня поднесла к лицу руку – может, и в ладонь воткнули гвозди? Ладонь была бледная, немного липкая, но никакой раны на ней Татьяна не обнаружила.

– А знаете ли вы, в каком городе сейчас находитесь? – продолжала расспрашивать Альфия. Она уже и не надеялась на ответ, как вдруг медленно, как стон, через губы больной просочился звук:

– В царстве Иродовом...

Альфия удивилась.

– Вы имеете в виду древнего царя? Или что-то другое?

Таня больше ничего не сказала, но вязкая каша в ее голове вдруг начала формироваться в два потока мыслей. Один поток возникал, как раньше, сам собой, легко, без усилий, и Таня вспомнила, что это называется «думать».

«Откуда этот Ирод взялся?» – удивилась она.

Зато другой поток образовывался откуда-то извне, помимо ее сознания. Как будто просто слышала, как кто-то ей говорит. И этот второй поток был сильнее первого, мешал первому и перекрывал его. И «Ирод» как раз и взялся из нового, чужого потока. А скоро появилось еще одно слово. Красивое, оно вертелось на губах, просилось наружу. «Мессианство», «мессия» – вот что это было. Вдруг откуда-то сбоку, как чертик, выпрыгнула мысль. «Запутать хотят», – подумала Таня про кого-то, кто не имел лица и имени, но представлялся враждебным.

И тут же еще одно, чистое, белоснежное имя всплыло перед ней и засияло, заслонив собой все другие имена и ее собственное. «ХРИСТОС...» В голове зазвучала прекрасная музыка, запели хоры, наполнилось сиянием небо, невидимое из комнаты, – и сразу перестал казаться страшным давно не беленный потолок палаты и черные листья за окном. И эта женщина ужасающей красоты, похожая в размытых лучах солнца на зеленую стрекозу, уже не казалась Тане больше совершенно непобедимой.

Альфия

В отделении была еще одна отдельная палата, куда Альфия всегда заходила в последнюю очередь и, как правило, не с пустыми руками. Сквозь полиэтилен фирменных пакетов просвечивали то яблоки, то яркие апельсины. Иногда из них аппетитно пахло ветчиной, а чаще – соленой рыбой. Сегодня Альфия открыла дверь палаты, держа в руках небольшую пластиковую коробочку с поздней клубникой.

Маленькая старушка, стриженная под мальчика, полулежала на кровати спиной к двери и смотрела телевизор. По блестящему экрану метались мужчины-доктора в коротких халатах, больше похожих на куртки, а полуголые красотки соблазняли их прямо в операционных.

Больная не слышала, как открылась дверь. Альфия, стараясь не испугать, подошла и осторожно прикоснулась к ее плечу.

– Здравствуй, мама! Как у тебя сегодня дела?

Старушка вздрогнула, но, увидев Альфию, выключила звук и недовольно сказала:

– Как дела, как дела... Какие у меня могут быть дела? Без изменения. – С любопытством взглянула на коробочку с клубникой в руках дочери и скривилась: – Что за ерунду ты мне принесла? Ты же знаешь, что у меня от клубники понос. Я просила не фруктов, а колбаски.

На лице Альфии не дрогнула ни единая мышца.

– Мама, колбасу я приносила вчера. Семьсот граммов. Ты же не могла съесть за день такое количество?

– Что ты врешь! Никакой колбасы ты мне вчера не приносила! – Тусклые маленькие глазки сердито уставились на Альфию.

Альфия подошла к холодильнику и открыла дверцу.

– Вот же она.

– Ты мне не говорила!

– Я говорила, мама. Ты забыла.

Старушка шустро скользнула с кровати и проковыляла к холодильнику. Ссутулившаяся от старости, некрасивая, неопрятная, она была похожа на маленького серого паучка. С любопытством развернула пакет, внимательно оглядела колбасу, понюхала.

– Селедкой воняет! Фу! Ешь сама эту гадость!

Альфия попыталась взять у нее из рук сверток.

– Если не хочешь, давай сюда. Я отдам в отделение, больные съедят за милую душу.

Старушка быстро протянула вперед цепкую лапку.

– Еще чего не хватало! Я сама ее съем!

– Ну ешь. Только с хлебом. Хлеб у тебя есть?

– Не надо мне хлеба!

Старушка быстро отрезала кусок колбасы и засунула его в рот. Альфия подошла к окну, где стояли маленький столик и тумбочка, достала из ящика нож, из хлебницы – батон и аккуратно отрезала несколько кусков. Включила электрический чайник.

– Давай я все-таки сделаю тебе бутерброд. Без хлеба живот заболит.

– А помидор ты мне не принесла? Я же тебя просила.

Альфия присела на материну кровать, скинула туфли и пошевелила пальцами.

– Помидоры пока нельзя. Ты сама жаловалась вчера на боли в боку.

– Ну, тогда и колбасу не хочу! Пахнет селедкой.

«Может, действительно в холодильнике рядом с рыбой лежала?» – Альфия босиком подошла к холодильнику и стала перебирать продукты.

– Чего ты там роешься?

– Селедку ищу.

– Нечего рыться. Нет там никакой селедки. Скажи лучше, как у вас дела? Как бабушка? Альфия вздохнула, захлопнула холодильник, надела туфли и стала мыть клубнику.

– Чего не отвечаешь? Как бабушка?

Альфия повернулась, посмотрела на старушку в упор.

– Мама, ты меня дразнишь? Ведь ты же прекрасно знаешь, что бабушка умерла семнадцать лет назад.

– Да? А я забыла.

– Неправда. Ты спрашиваешь нарочно, чтобы потом спросить об отце. Чтобы это не выглядело, как ты выражаешься, неприлично.

– Хватит меня учить. Как у отца дела?

– Думаю, что нормально. Хотя ты тоже прекрасно знаешь, что его я не видела вообще никогда.

– Надо бы съездить проведать! Нехорошо дочери даже не знать, как живет ее отец!

Щеки Альфии покрылись красными пятнами.

– А отцу, значит, хорошо тридцать семь лет не знать, как живет его дочь?

– Господи, в кого ты такая злая! – Старушка опять уселась на кровать и включила телевизор. – Об отце слышать не хочешь, мать тоже бросила!

Альфия даже онемела от неожиданности. Уставилась на мать.

– Как это я тебя бросила?

– А так! Не приходишь по месяцу, и не допросишься у тебя ничего!

Альфия сощурила глаза, как от боли.

– Чего именно не допросишься?

– Будто сама не знаешь! Помидоры и те поленилась принести, все тебе некогда! Хороша дочка, нечего сказать!

Сердце Альфии бешено колотилось. «Не смей! Не смей разговаривать! Выйди из палаты! – приказывала она себе. – Ничего, кроме ссоры, все равно не выйдет. Относись к ней как к постороннему человеку. Не будешь же ты устраивать с другими больными ссору из-за помидоров?»

Но сердце стучало, гнев требовал выхода, а разум просил справедливости. «Ужасно! Ужасно лечить собственную мать. Где взять терпения? Где найти доброты, любви, если их нет и в помине? Не могу даже видеть это противное, злое чужое лицо».

В памяти всплыл старый сон. Они с матерью идут куда-то летом, в ночи, по незнакомой дороге. Мать, еще совсем молодая, хрупкая, одета в какой-то темный ситцевый сарафан, идет молча, как всегда, отстраненная от нее. Ветер взметает с ее лба мягкие кудряшки с легкой рыжинкой. Вдруг налетает буря, и страшная туча поднимает и как на крыльях уносит мать. Альфия остается одна на дороге. Она бежит вслед за тучей, кричит, спотыкается, но мать уже на небе, вверху, далеко. А она, Альфия, стоит на земле и тянет к ней руки, кричит, умоляет тучу вернуть ей мать. Но мать не смотрит на нее и улетает все дальше, пока совсем не исчезает в небесах...

Альфия до сих пор помнила, как проснулась тогда в слезах. В комнате было темно. Мать лежала рядом с ней, лицом к стене. По подушке распались мягкие кудряшки. Альфия заплакала опять, теперь от счастья.

– Мама! – Она протянула руку и потрогала кудряшки, чтобы убедиться, что мать реальна, что никуда не исчезла, что она с ней.

– Спи давай! Чего ревешь? – недовольно заворочалась со сна мать. Альфия, боясь ее потревожить, отодвинулась на край постели и еще долго смотрела на мягкий абрис ее головы, на худые плечи под одеялом. Смотрела и не заметила, как заснула...

Альфия вышла из палаты, быстро пошла по коридору к себе. «Ну почему? Почему? Почему всегда со мной так? Почему я не могу быть счастливой какое-то хоть сколько-нибудь

продолжительное время? Почему если день начнется удачно, то через некоторое время обязательно подвалит какая-нибудь гадость? И даже если не случится что-то самостоятельное, не зависящее от меня, то мать обязательно испортит настроение и заставит ночью мучиться угрызениями совести. И я до головной боли буду пережевывать ее слова и поступки, а потом в отвратительном настроении снова приду на работу и пойду к ней. Принесу какие-нибудь помидорчики... И так изо дня в день...»

Из отсека Полежаевой – Хохлаковой вышел Дмитрий. Увидел ее, остановился. Лицо немного растерянное, тревожное. Альфия усмехнулась. Неужели это Хохлакова так его напугала?

– Альфия Ахадовна!

Она остановилась резко, совсем близко от него. Неужели мы действительно определяем любимых по запахам? Дмитрий был намного выше Альфии – ей захотелось уткнуться лицом в вырез распахнутой на груди простой серой рубашки с крошечным золотым крестиком на тонкой цепочке, вдохнуть запах его молодой кожи, пожаловаться, как ей трудно, как остро она чувствует одиночество, как хочется ей защиты... Если бы он сейчас обнял ее, она пошла бы с ним куда угодно.

Он отступил на два шага.

«Ну, пойми меня! Поцелуй!» – приказывала она ему взглядом.

– Альфия Ахадовна! Там Полежаева прячется под кроватью...

Он ничего не понял, не почувствовал. Альфия высокомерно вскинула бровь.

– И что? – Она обошла его и направилась к своему кабинету.

«Полежаева прячется под кроватью, я – за своим письменным столом. Может, для того чтобы разбудить чье-нибудь любопытство, нужно и мне спрятаться где-нибудь?» Она вздохнула. Нет. И так, наверное, в автобусе переборщила...

Дима развернулся и пошел за ней в кабинет. Как ей привычно, уютно за своим столом! Она снова бросила рыбкам корм. Фуксии голубели за тюлевой занавеской, на люстре мелодично переливались колокольчики. Альфия подумала: «Рай в отдельно взятом медицинском учреждении...»

Дмитрий встал напротив ее письменного стола.

– Так вот, Альфия Ахадовна, Полежаева показала клинику «острого живота».

Альфия медленно подняла вверх голову. Взглядом уставилась в пряжку его ремня, поблескивавшую в просвете незастегнутого халата. Оценила крепкие бедра, представила, что там прячется за желтой металлической змейкой на джинсах. Вздохнула и перевела глаза на сильные, молодые руки с крепкими, выпуклыми подкожными венами. «Качается, наверное...»

– А больше она тебе ничего не показала?

Он растерялся.

– Я ведь хирург. Я не шучу.

Альфия закрыла лоб рукой и сделала вид, что стала просматривать чью-то историю болезни. Дмитрий не отходил. Альфия убрала руку со лба, поправила волосы.

– На какой она койке?

Дмитрий заглянул в свои записи.

– Кажется, на восемнадцатой.

– Креститься надо, если кажется. Сядь иди, успокойся. Чаю выпей или кофейку.

Альфия еще не определила ему рабочее место. Она не знала, оставить его в своем кабинете, потеснившись и выделив дополнительный письменный стол, или отправить в маленькую комнату, ту, которую Нинка-Сова занимала под помещение для глажки белья и халатов. Конечно, ей было приятнее постоянно видеть Сурина рядом с собой. Но Альфия хорошо себя знала. Его присутствие будет отвлекать, она начнет с ним кокетничать. Ей этого хотелось, она не скрывала ничего от себя – разве от себя что-то скроешь? Но ведь еще был Володя... Володя

тоже заходил к ней в кабинет. Нет, этого молодого человека лучше отправить подальше. Когда захочет, она и так к нему придет.

Серая рубашка еще больше распахнулась у Дмитрия на груди – он все время застегивал и расстегивал пуговицу и теперь не замечал, что та выскочила из петли. Мощная шея колонной поднималась вверх, и сбоку Альфии было заметно, как билась кровь в сонной артерии в такт пульсовой волне. Если Володя был такой опытный крепышок-боровичок, то Сурин в сравнении с ним выглядел прямо Давидом. Молодые серые глаза в ободке темных ресниц смотрели на Альфию одновременно возмущенно и непонимающе.

«Или дурак, – мелькнуло у Альфии. – Впрочем, почему Давиду нельзя оказаться дураком?»

Она встала и подошла к уже знакомому Сурину шкафу. На этот раз достала толстенный учебник.

– Найди раздел «симуляция и аггравация». А также почитай «истерия» на досуге.

– Это не истерия. У нее положительный симптом Щеткина – Блюмберга. И перкуторный звук притуплен справа в подвздошной области.

Так он еще и настаивает!

– Что у нее притуплено? – Альфия нарочно скроила самую противную рожу, какую могла.

– Перкуторный звук.... – Дима характерно постучал средним пальцем правой руки по среднему пальцу вытянутой левой кисти.

– А-а-а...

Альфия снова опустила голову и попыталась читать.

Дима некоторое время помолчал, потом походил по комнате и опять подошел вплотную к ее столу.

– Что, у больных вашего профиля не бывает хирургической патологии?

– Ты что, уже прочитал все, что я тебе дала?

Альфия не знала, отчитать его или засмеяться. Вот ведь упрямец! Какой настырный, стоит на своем! Другой бы давно увял и уткнулся в книжку. И опять ее взгляд упал на металлическую змейку, желтым язычком выступавшую из-под ремня джинсов.

«А что бы он подумал, если бы я сейчас вдруг протянула руку и расстегнула молнию?» – она мысленно фыркнула.

Глаза ее искрились смехом, но Сурин не замечал этого. Он видел перед собой лишь хрупкую девушку с заломленными руками, как сломанные крылья ангела.

– Ну надо же хоть анализ крови сделать! – Он тупо стоял на своем, не понимая, откуда берется у Альфии ее равнодушие. Но он был готов упорствовать до конца.

«Что он прицепился к этой Полежаевой? Хочет доказать, что не глупее меня?» – почувствовала раздражение Альфия.

– Какой анализ крови в четыре часа дня? Лаборатория работает до двух. – Альфия, еще желая перевести все в шутку, надула обе щеки, как барабан, и со смешным хлопком сдула их.

Нинель открыла дверь своим ключом и просунула в щель очкастую голову:

– Там к новенькой больной, что из Санкт-Петербурга, муж просится. Пустить?

– Пусти.

Голова Нинель скрылась.

– Но должна же быть в больнице дежурная лаборантка! – не унимался Дима.

Альфия пристально на него посмотрела.

– Должна. А чего ты так волнуешься?

Он опустил глаза.

– Хирургическую патологию боюсь пропустить.

Альфия подумала: «Какой неугомонный, он еще со мной спорит!» Ей стало совсем смешно.

– Ну, ладно, волнительный мой, пошли посмотрим твой симптом Щеткина – Блюмберга!
Она подмигнула Диме, встала из-за стола и, легко повиливая бедрами, двинулась из кабинета.

Таня

– Я не могу поверить, что этот приступ случился с тобой просто так, без всякой причины. Давыдов сидел в затемненной комнате рядом с женой и держал ее за руку. Таня молчала.

– Скажи, ты, наверное, все-таки употребляла наш опытный образец? Ну, сознайся! Об этом нужно обязательно сказать врачу.

«Опытный образец? Что такое опытный образец? – Таня напряглась. – Это из далекой чужой жизни. Разве та жизнь имеет к ней какое-то отношение?»

Давыдов помолчал. Тане стало неудобно лежать на спине. Она шевельнулась, с трудом повернулась на бок. Давыдов с ужасом наблюдал за ней. Начать ее трясти, орать ей в самое ухо? Сделать что-нибудь ненужное, пусть глупое, даже болезненное, лишь бы вывести ее из состояния этой безучастной дремоты! Он наклонился к самому лицу жены, зашептал:

– Ну, что ты запираешься? Строишь из себя героиню?

Таня только закрыла глаза.

– Пойми, я не ругаю тебя! Я даже тобой восхищаюсь! Твоей смелостью, твоим бесстрашием. Ты ведь у нас великая экспериментаторша! Только почему ты поступила так безрассудно? Разве можно было, не сказав мне ни слова, пойти на такой риск? Хоть скажи теперь, сколько ты выпила? Я подниму протоколы опытов и посмотрю у мышей. Да ты и сама наверняка можешь сказать, как долго это у них длилось?

Таня медленно вынула свою руку из его руки. «Чего он пристал? Она не понимает ничего из того, что он говорит. Что он хочет, чтобы она сказала?»

На нее навалился сон. Нижняя челюсть слегка отвисла, мышцы лица расслабились, и из носа вырвался легкий свист.

Давыдов оторопел. Он никак не мог поверить себе, что лежащая перед ним отекая женщина и есть его жена Таня.

– Ты разыгрываешь меня?

Как будто под влиянием новой интонации свист прекратился.

– Я знаю, зачем ты это сделала, – сказал Давыдов. Ему показалось, что Таня не спит, что она слушает его молча, с закрытыми глазами. – Ты поняла, что ты уже не любишь меня так, как раньше. Главное место в твоей жизни заняла работа. И ты решила поставить на себе этот опасный эксперимент. Я бы не смог. А ты – запросто. Ты ведь всегда принимала главные решения за нас двоих. Но черт возьми! – Он в сердцах стукнул кулаком по спинке кровати. – Ты не подумала, как мы теперь будем из этого выпутываться?

Она почувствовала удар, хотя до этого спала и не слышала ничего из того, что он говорил. Однако прежние его фразы все-таки застряли в ее голове, и, словно на автомате, она медленно проговорила:

– Я ничего не пила.

Он схватился за голову.

– Таня, Таня! Послушай, я очень прошу тебя, поверь мне, я делаю все, чтобы тебе помочь! Мы достанем лекарства, любые, которые тебе нужны, за любые деньги, если надо – из-за границы. Поверь мне, ты обязательно поправишься! Но только ты должна рассказать врачу правду! Иначе как тебя можно лечить? Возьми себя в руки! Ведь больной тоже должен хотеть выздороветь!

Она все так же с трудом отвернулась к стене.

– Я хочу спать...

Он встал.

– Ты не хочешь напрячься, помочь себе. Почему, Таня? – Он заглянул ей в лицо.

Она уже опять не слышала его, но в голове промелькнула мысль: «Это – Виталий. Он – мой муж. Что такое «муж»? Неважно, но он со мной». И впервые за все эти страшные дни она улыбнулась. Но муж уже не видел этой улыбки. Он вышел из палаты.

Настя

Настино выстиранное одеяло розовым флагом неизвестной, но не поверженной страны лежало на голой сетке кровати, сушилось. Сама Настя, теперь уже свернувшись в клубок, по-прежнему лежала в нижнем ярусе – на матрасе. Глаза ее были открыты – она наблюдала игру света и теней под пыльными прямоугольниками чужих кроватей, и мир представлялся ей таким же скучным, как пол, на котором она лежала. Она считала дни до приезда матери. Мать придет, наверное, не одна. Вместе с отчимом. Этого труднее пережить. Но ничего. Она снова скажет, что все поняла, что будет слушаться, что не будет исчезать по ночам. Вернется в институт, пусть только ее выпишут.

Лязгнув замок, вдалеке открылась дверь, и женские ноги в легких туфлях энергично процокали к ее койке. За туфлями передвигались кроссовки нового врача. Насте было все равно, кто там ходит. Живот еще болел, но уже не так сильно.

– Что это, Настя, ты тут опять устроила? – послышался совсем близко над головой недовольный голос.

Настя состроила скорбную мину. С Альфией Ахадовой лучше не спорить.

– Я же ее вытащил, а она опять под кроватью. – Это уже удивленный молодой врач.

– Уберите одеяло, – приказала Альфия.

Нинель, следовавшая за ней по пятам, с готовностью его свернула.

– Ну-ка, Полежаева, давай-ка вместе с матрасом ложись на кровать. Хохлакова, помоги ей!

Ольга с готовностью вскочила со своей постели. Пружинистая сетка постели колыхнулась, освобожденная от ее грузного тела. Альфия с удивлением увидела, как Сурин сам взялся помогать девочке. Вытащил и матрас, и подушку, помог лечь. «Если бы он не работал у меня первый день, я бы решила, что он как-то заинтересован в этой истории...»

– Подними платье! – Альфия бочком присела на кровать. Загорелый плоский живот, черные кружевные трусики выглядели заманчиво. – Где загорала-то? – спросила не без зависти Альфия.

– У нас в палисаднике. Во время прогулок. – Настя слегка морщилась, пока Альфия пальпировала ей живот.

– Везет же тебе. Торопиться никуда не надо, на свежем воздухе минимум два часа в день... Повернись-ка на левый бок! – Альфия болтала просто так. Ей нужно было, чтобы Настя отвлеклась и расслабила мышцы.

– Не надо, у меня уже не болит.

Настина голова была повязана все той же маленькой косынкой, облагораживавшей высокий выпуклый лоб. И нежный профиль запрокинутого лица вдруг напомнил Диме Джульетту. Димина мама любила балет, и он смутно помнил их всех, романтических героинь своего детства: Одетту с ватным валиком вокруг головы, злую Одиллию в черной пачке с красным треугольным поясом, нежную Жизель в неожиданно длинной для балерины юбке и, наконец, Джульетту – в маленькой бархатной шапочке, расшитой жемчужинами. Вот эту шапочку и напомнила ему Настина косынка. Сам Дима никогда не смог бы объяснить эту подсознательную игру ассоциаций. Настя тронула его душу; а как, почему – разве это важно?

– Видишь, не болит! – шутливо подняла к Диме лицо Альфия.

– Но как же? Я не мог ошибиться! Давайте я вам сам покажу!

Сурин испытывал одновременно и неловкость, и злость, и недоумение. Альфию поразило его возмущение.

– «Ну, об чем это вы, молодой человек, загораетесь?» – Она процитировала ему одновременно и своего профессора, и писателя Зощенко. Когда ее любимый преподаватель хотел

показать, что волнения напрасны, он всегда цитировал великого сатирика. Дима, как подавляющее число молодых современных людей, Зощенко не читал, однако иронические интонации уловил.

– Я об острой хирургической патологии загораюсь, – хмуро и тупо повторил он.

– Ну, опять двадцать пять. Рвота была? – Альфия осматривала Настин язык и, казалось, уже не обращала на Диму внимание.

– Нет! – Настя отрицательно покачала головой.

– А мне она сказала, что была!

Дима беспомощно огляделся по сторонам, как бы желая найти подтверждение своим словам. Все сидели, отвернувшись от него, как нахохлившиеся птицы, и делали вид, что не слушают. Только Оля Хохлакова недвусмысленно подмигивала ему одним глазом.

– Тебя никто не бил? Головой не ударялась? – продолжала расспрашивать Настю Альфия.

– Нет.

Альфия закончила осмотр. Повернулась к Диме.

– У вас еще вопросы будут?

– Нет.

– Тогда пойдемте. – Альфия направилась к выходу, но Дима не пошел за ней. Дождавшись, когда ее стройные ноги скроются за поворотом, он сел к Насте на постель, еще теплую после Альфии. Помолчал немного и тихо спросил:

– Ты что, обманула меня насчет рвоты?

Настя перевела взгляд с потолка на его лицо. При этом тень от ее длинных густых ресниц красиво упала на бледные щеки.

– Я не специально.

– Не специально? А как?

Дима весь подобрался, как сеттер, выследивший утку. Он был готов услышать что угодно и поверить всему. Настя слегка поманила его к себе пальцем.

– Я не хочу здесь лежать. Я не больна. Я ненавижу эту ужасную больницу! Мне кажется, я ненавижу все больницы на свете. Я должна выписаться отсюда. Ты понимаешь?

Он согласно кивнул. Ее слова упали в благодатную почву. Она хочет выписаться! Так это же прекрасно, замечательно, восхитительно! И он просто обязан ей в этом помочь. Только как?

– Давай я все-таки снова посмотрю твой живот. Я не сделаю тебе ничего плохого. Ты мне веришь?

Настя внимательно посмотрела на него и осторожно подняла на животе платье.

Володя

Альфия убедилась, что Сурин за ней не пошел, и это привело ее в ярость. Как он посмел? Хорошенькое начало! Она велит ему идти, а он и в ус не дует! Альфия вся вспыхнула, как весенний мак, отчего ее синие глаза еще больше засверкали, и решила, что высказать все, что она думает по этому поводу, может только одному человеку – ее признанному всей больницей кавалеру и другу Владимиру Михайловичу Бурыкину. Поэтому, еще раз оглянувшись и увидев, что коридор по-прежнему пуст, Альфия, рассерженно стуча каблуками, вышла из своего отделения, поднялась на этаж и напористо нажала на кнопку звонка.

Дверь сразу открылась, будто доктор Картошка стоял за дверью и ждал, когда Альфия о нем вспомнит.

– Как ты узнал, что это я? – Она переступила порог его отделения, как своего собственного.

– Я всегда чувствую, когда ты еще только поднимаешься по лестнице, дорогая.

Альфия прошла в его кабинет, расположенный прямо над ее собственным, и с размаху плюхнулась в широкое кожаное кресло.

– Володя, есть у тебя коньяк?

– Для тебя, Алинька, все что угодно.

Картошка вытащил из шкафчика бутылку хорошего коньяка и с удовольствием плеснул по рюмкам.

– Твое здоровье, родная!

– Боже, как пафосно, – Альфия выпила коньяк залпом. – Нет, Вова, подумай только, ну и молодежь нынче пошла! – Она вытянула длинные ноги, закатила глаза и картинно скривила губы. – Взялся черт знает откуда, я ему еще ставку отдала, и долдонит, как попугай на птичьем рынке: «Я хирург, я хирург! Я психиатрию не знаю, но никого слушать не буду!» Не хочешь – катись отсюда к чертовой матери!

– Алечка, не надо так страшно ругаться. Дай черту отдохнуть, зачем ты его беспокоишь? Твоему личику это не идет. – Доктор Картошка подсел к Альфии на ручку кресла и нежно обнял ее за шею.

– Володя, отстань! Мне сегодня не до нежностей. Из меня просто искры летят, так я зла!

– Ну вот и не надо злиться, дорогая! Скушай лучше конфетку! Или вот яблочко!

– Ничего не хочу! – Она закрыла коробку, чтобы не смотреть на конфеты. – Представляешь, я с этим типом ехала сегодня в автобусе. Ты, наверное, видел.

– Не только видел, но и ревновал. – Володя решил налить себе чаю.

– Так не к чему было! – Альфия вдруг поймала себя на том, что как будто оправдывается. – Ну, пошутила с ним немного, в таком стиле, как я люблю.

– Он не скончался на месте от твоих шуток?

– Даже не подумал! Ну, подпустила я немного этакой сладкой жути, пококетничала минуток пять. Вот и все! Но я никак не ожидала, что Саня присваивает этого хирурга ко мне в отделение!

– Подумай сама, к кому же еще наш дорогой Александр Борисович мог направить на учебу молодого специалиста, как не к тебе – нашей единственной умнице и красавице. – Володя говорил, а сам нежными, сильными движениями массировал ей шею. – Но все-таки я не понял, что же такого этот парень сделал?

– Он меня не слушал!

– Да как он смел?!

Альфия жалобно добавила:

– Он гнет свою линию.

– В чем?

– Считает, что у девчонки Полежаевой какая-то хирургическая патология.

– Алечка, хочешь, я убью этого придурка?

– Уймись, Володя! – Альфия все-таки было не до шуток. – Ты сегодня приторен, как эти дурацкие конфеты. – Она резко встала и одернула платье. – Мне пора! Пойду, начищу ему все-таки нюх!

Она направилась к выходу, но вдруг остановилась, обернулась и посмотрела Картошке прямо в глаза:

– На душе как-то беспокойно, Володя! Не понимаю даже, в чем дело. Будто что-то отвратительное должно случиться.

Бурыкин спросил уже серьезно:

– Но ты посмотрела эту больную?

– Конечно.

– И ничего не нашла?

– Абсолютно. Но все равно у меня какое-то тягостное предчувствие, от которого невозможно избавиться...

– Тогда, может, четверть таблеточки? У меня есть французские, – предложил Владимир Михайлович.

– А чем собираешься потчевать?

Альфия взяла с его ладони кусочек блестящей облатки с крошечной таблеткой, желтевшей в воздушном гнезде. Перевернула и прочитала название на обратной стороне.

– Ну уж нет. Лучше обыкновенного пустыряника тресну. – Она задумалась, и в памяти ее всплыло нахальное, как ей показалось, лицо непрошеного новичка. – Каков все-таки гусь! Журнал «Психиатрия» ему, видите ли, старье!

– Да плюнь ты на него! – Картошка убрал таблетку назад и смачно прихлебнул чай. – Помается он у тебя месяца три, а потом или сам смоеется куда-нибудь, или попросишь Саню его забрать от тебя.

– У меня такое ощущение, что это все как-то не к добру! – Альфия задумалась. – Кстати, а сколько сейчас времени?

Картошка посмотрел на свои дорогие наручные часы.

– Почти четыре.

– Надеюсь, наш больничный хирург никуда не ушел. Я ему сейчас позвоню.

– Мудрое решение. Да и куда он, Алечка, денется с подводной-то лодки? Он же на «Шапочке» ездит. А она уходит в город в пять.

– Отлично. Дай-ка мне список внутренних телефонов. – Альфия быстро набрала номер. – Нет никого! Не отвечают. Может, он где-нибудь в отделениях?

В трубке раздался щелчок. Женский голос недовольно ответил:

– Алле-е!

– Это Левашова. Мне Николая Павловича.

Голос в трубке нисколько не подобрел.

– А его нет!

– Где же он?

– Нет и все. Заболел. Имеет право человек заболеть?

Альфия с недоумением посмотрела на Картошку.

– Имеет, конечно, но как же нам быть? Нам нужна срочная консультация.

– Ничего не знаю! Николай Палыч сказал, что, если что случится – пускай договариваются и в райбольницу везут. Не умирать же теперь ему самому!

– А что с ним случилось? Что-нибудь тяжелое?

– Тяжелое, нетяжелое! Откуда я знаю! Отпросился человек и ушел. Может, ему зуб надо вырвать!

– Ну да. Самое время, – буркнула Альфия и бросила трубку. – Пойду.
Она послала Картошке воздушный поцелуй и вышла из комнаты.

Дима

А Сурин в это время не мог найти себе места от беспокойства.

От природы он был плохой дипломат, но, к его чести, и не лез в дипломатию. Достаточно уравновешенный и порядочный, Дима дожил до двадцати шести лет без особых страстей и тревог. Он не курил, не увлекался спиртным, не гонялся за девочками. В школе Дима был почти незаметен. Начиная с восьмого класса родители оставляли его одного на много месяцев, уезжая работать в разные, преимущественно жаркие страны, и одноклассники, если бы об этом узнали, попытались бы воспользоваться ситуацией, но Дима не делился с друзьями своими хозяйственными проблемами. Собственно, и друзей-то как таковых у него в школе не было. Он твердо верил, что настоящая жизнь и настоящие друзья ждут его где-то там, впереди. Он наблюдал за ребятами как бы свысока, не испытывая одиночества.

Он знал, что должен учиться. Был уверен, что станет врачом. Это знание пришло к нему как-то само собой, в процессе обычных полных сомнений подростковых размышлений о выборе профессии. Никто в его семье не был серьезно болен, наблюдать было особенно не за кем, но Дима естественным образом пришел к выводу, что именно в профессии врача соединяется возможность проявить разумную власть, ум, смелость и человеколюбие. Слово «милосердие» он даже в мыслях не употреблял – оно вышло из обихода у современных молодых людей. И аполитичный Дима решил, что вся его жизненная политика должна заключаться в том, что он должен стать специалистом самого высокого класса. Он подчеркивал: специалистом, не чиновником. Что чиновник? Лишат его кресла – и он никто. Хороший врач – он и в Африке врач, и в Москве врач.

Первый удар постиг его в виде аллергии. Вторым (Дима пока это не осознавал) стало то, что он внезапно влюбился.

Недаром Булгаков, описывая чувства любовников в «Мастере и Маргарите», употребил выражение «любовь *настигла*...». Сегодня Дима вдруг ощутил некое странное тяготение к незнакомой девушке. Говорят же, «притягивает как магнитом». Он даже не отдавал себе отчета, как разом, вдруг, изменилось его поведение, изменилось восприятие мира и окружающих. Разве когда-нибудь он мог бы вообразить, что, явившись первый день на работу, тут же подвергнет сомнению высказывания своего прежнего профессора? Этого быть ни за что не могло. И это при том, что хирургией он занимался со второго курса, а в отделение к Альфии явился вообще первый раз. Это был нонсенс! И странность заключалась еще и в том, что в глубине души он осознавал нелепость своего поведения, но все равно продолжал думать по-своему и настаивать на своем.

Еще Диме казалось, что в его необычном поведении виновата Альфия. От нее исходило какое-то напряжение, как в воздухе после грозы. Если по отношению к Насте, кроме искреннего желания помочь и разобраться в ее состоянии, он испытывал сильную потребность произвести впечатление умного и красивого мужчины, то при виде Альфии чувствовал постоянное желание противоречить. Так умные и самолюбивые ученики на уроках хаят молодым учительницам, стремящимся навести в классе порядок.

Сейчас, когда он остался в отделении один, этот дух противоречия утих, разум возобладал – и Дима, снедаемый плохо осознанными чувствами, поплелся читать раздел «Симуляция и аггравация» в учебнике, который ему дала Альфия.

Читал Дима тоже со странным ощущением. Раньше он думал, что хирургия – самая интересная и трудная наука на свете. Сейчас он поразился, как, оказывается, мало он знает и помнит из институтского курса и как на самом деле трудна диагностика состояния больных в психиатрии, даже по-новому зауважал психиатрию и психиатров. Но вместе с тем его не покидала уверенность, что он не ошибся – ни в осмотре, ни в оценке состояния девушки. «Анастасия

Полежаева» – когда он произносил про себя это имя, оно казалось ему очень гармоничным. Как нужно действовать дальше? В конце концов, Альфия – его начальница, вся ответственность на ней. Но если он прав... Ах, как бы он хотел, чтобы сюда каким-то чудом переместился бы его прежний завод-делением! Он бы показал ему Настю...

Дима оборвал себя. Альфия должна скоро вернуться. Выглядеть дураком перед ней тоже не хотелось. Некоторое время он еще подумал, потом все-таки круто развернулся и пошел к очкастой Сове.

– Пригласите, пожалуйста, в кабинет Полежаеву.

Сова не ответила. Он не понял, выполнит она его просьбу-приказ или нет, но решил подождать.

Минут через десять Сова появилась в дверях кабинета со словами:

– Да не волнуйтесь вы особенно, Дмитрий Ильич! Чего у нас здесь только не бывает! Вон в прошлом году одна больная иголку себе под ноготь загнала. Специально, чтобы ее в хирургию перевели. Отдохнуть от нас, видите ли, захотела. Представляете?

Дима промолчал. Сова обернулась, и за ее спиной Дима увидел Настю. Она стояла бледная, как гипсовая модель для студентов художественных вузов, под глазами у нее четко выделялись темные круги. Разница с летящей девушкой, которую он видел в холле перед обедом, была ошеломительной. Сурин ужаснулся.

Настя прошла и уселась перед ним на стул. Дима выразительно посмотрел на Сову. Та поджала губы и ушла.

– Ведь ты врешь, что у тебя живот не болит! – начал он прямо, когда они остались одни. – Я же вижу, ты сюда еле дошла!

Настя смотрела как бы на него, но в то же время мимо.

– Отвечай, пожалуйста, – мягко сказал он.

– Я не хочу говорить. – Настя отвернулась.

– Почему?

Она искоса на него посмотрела.

– Потому что все, что я здесь скажу, обязательно передадут маме. А она сделает так, чтобы меня здесь продержали как можно дольше. По принципу: «Болит голова – надо лечить голову. Болит живот – надо лечить живот». Все равно что лечить, лишь бы в больнице.

Сурин оторопел. Такого ответа он не ожидал.

– Зачем же твоей маме держать тебя в больнице?

– Она меня ненавидит. Мечтает избавиться от меня, чтобы я не путалась у нее под ногами. Не мешала ее личной жизни. У мамы теперь новый муж и новый ребенок.

Они помолчали, не глядя друг на друга. Дима испытывал неловкость. «Это, наверное, бред». И тут же спросил себя: «Ну, допустим, бред. И что, при этом не может случиться, к примеру, аппендицита?» А чувствительность у этих больных (он только что это прочитал) может быть не такая, как у обычных людей. Кроме того, вдруг то, что говорит эта девушка, вовсе не бред?

Он осторожно переспросил:

– Но ведь живот все-таки болит?

Настя посмотрела на него с вызовом и даже улыбнулась:

– Ни капельки!

И тут же, вдруг согнувшись пополам, замотала головой, закусил губу и боком повалилась на пол со стула. Дима оторопело вскочил. Настя ерзала на животе по вытертому ковру, постеленному возле стола Альфией, чтобы зимой и осенью не мерзли ноги, и бледными длинными ногтями судорожно скребла по пыльному голубоватому ворсу.

«Это истерика», – подумал Дима. Настя затихла, пальцы ее разжались. Он наклонился к девушке и тронул за плечо. Она не двинулась. Тогда он перевернул ее на спину и с ужасом увидел, как глазные яблоки медленно покатались под бледные открытые веки.

– Дождались! – заорал Дима в сторону Совы. – Срочно сюда «острую» аптечку! Шприцы! И Альфию Ахадовну! Срочно!

Он стал нащупывать Настин пульс, сначала на руке, словно не решаясь еще прикоснуться к ее тонкой, нежной шее.

Альфия, от двери отделения услышав его крик, уже сама бежала к кабинету. «Что он там, рожает, что ли?» С другой стороны спешила Сова со склянкой с нашатырем.

– Я же сказал, шприцы!

– Да будет вам, Дмитрий Ильич! – Сова поводила ваткой перед Настиним носом. – Сейчас придет в себя.

Альфия на секунду задержалась на пороге, потом решительно подошла ближе. Черт чем не шутит, может, правда, нужен хирург? Совсем этот молодой сбил ее с толку. С другой стороны, Полежаеву она все-таки уже хорошо изучила. Голову, конечно, на отсечение бы не дала, но все-таки то, что она сейчас демонстрирует, не похоже на болевой приступ.

Дима поднялся с колен, посмотрел на Альфию так, что ей показалось, что он схватит ее за горло.

– А как насчет разорвавшейся маточной трубы? Или лопнувшей кисты?

Альфия подошла еще ближе, заглянула Насте в лицо. В некотором смысле он прав. Все может быть. Гинеколог, конечно, осматривает больных при поступлении, но они могут и соврать, и срок может быть маленький... Лопают тоже черт знает что. Хоть Нинка, конечно, и проверяет передачи, но разве за всеми углядишь? Конечно, проносят неразрешенное, в том числе и из магазина... Только вчера она, Альфия, сама велела отобрать у одной больной целый мешок грязных не жареных семечек. И это, как говорится, еще «семечки»...

Запах нашатыря разлился в воздухе. Девушка застонала. Сурин встал пред ней на колени, осторожно поправил голову.

«Как это трогательно! Ну прямо Ромео и Джульетта! Только Джульетта малость подкачала, больная на всю голову!»

Альфия подошла к своему столу и стала набирать номер секретаря больницы.

– У меня экстренная ситуация. Где Александр Борисович?

Ей что-то ответили, она повторила:

– Уехал на «Шапочке». Отлично. Нашего хирурга тоже нет. Что же мне делать?

– Звоните в местную «Скорую». Договаривайтесь с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.